

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ

Сетевой
научный журнал

И ПРАКТИКА

№ 2 (14). 2026

Издания

**ФГБОУ ВО Российской государственной академии интеллектуальной
собственности**

Журнал ВАК

«Копирайт»

Журнал РГАИС

«Альманах»

Журнал РГАИС

**«Государственное
управление и
политика»**

**Издательский дом
РГАИС**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Соснин С.А.* Эволюция польского законодательства об адвокатуре в межвоенный период и взгляды Е.В. Васьковского на адвокатскую автономию 4 - 16
- Панченко В.Ю.* О возможностях и пределах использования категории «механизм» в юриспруденции 17 – 31

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

- Медведева А.В.* Использование стоковых иллюстраций в издательском деле: правовые аспекты 32 – 42
- Груздев В.В.* Зачет обязательственных требований 43 – 55
- Сергеева Н.Ю.* Договоры коммерческой концессии в России и предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь: отдельные вопросы теории 56 - 68

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

- Китайский В.Е.* Внесение изменений и дополнений в Патентную инструкцию к Евразийской патентной конвенции 69 – 83

ЭКОНОМИКА

- Карпенко О.А.* Современные российские исследования человеческого потенциала и капитала 84 – 102

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Саха А.К.* Особенности управления инновационными бизнес-проектами в швейной промышленности: сравнительный анализ Бангладеш и Российской Федерации 103 – 118
- Бычков М.И.* Становление и развитие института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав (на примере товарного знака) 119 – 134

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ.

- Рецензия на книгу О.В. Ревинского «Промышленная собственность и управление интеллектуальными правами» 135 – 138

Научная статья

УДК 340

Эволюция польского законодательства об адвокатуре в межвоенный период и взгляды Е.В. Васьковского на адвокатскую автономию

Сергей Александрович Соснин,

Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Аспирант

lawsosnin@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены становление польского законодательства об адвокатуре в период 1918–1939 гг. и теоретические взгляды Е.В. Васьковского на устройство адвокатуры. На основании нормативного материала выявлена тенденция к усилению контроля государства за адвокатской корпорацией путем расширения полномочий министерства юстиции, прокуратуры и президента Польской Республики. Сделан вывод, что, несмотря на постепенное ограничение автономии адвокатской корпорации, Е.В. Васьковский остался верен своему убеждению о необходимости устройства адвокатуры в качестве независимой от государства самоуправляемой организации.

Ключевые слова: адвокатура, Е.В. Васьковский, Польша, реформы, правозаступничество, представительство, суд.

Для цитирования: Соснин С.А. Эволюция польского законодательства об адвокатуре в межвоенный период и взгляды Е.В. Васьковского на адвокатскую автономию // IP: теория и практика. 2026. № 2.

Original article

Evolution of Polish legislation on the bar in the interwar period and E.V. Vaskovsky's views on bar autonomy

Sergey A. Sosnin,

Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Postgraduate Student

lawsosnin@gmail.com

Abstract. The article examines the development of Polish legislation on the bar in the interwar period (1918–1939) and the theoretical views of E. Vaskovsky on the organization of the bar. Based on normative sources, a tendency towards strengthening state control over the bar corporation through the expansion of the powers of the Ministry of Justice, the prosecutor's office, and the President of the Republic of Poland is identified. It is concluded that, despite the gradual restriction of the autonomy of the bar corporation, E. Vaskovsky remained faithful to his conviction regarding the necessity of organizing the bar as a self-governing body independent of the state.

Keywords: the Bar, E. Vaskovsky, Poland, reforms, law enforcement, representation, court.

For citation: Sosnin S.A. Evolution of Polish legislation on the bar in the interwar period and E.V. Vaskovsky's views on bar autonomy // IP: Theory and Practice. 2026. No. 2.

Введение

«Польский» период биографии выдающего ученого-юриста Е.В. Васьковского пока еще остается малоизученной областью историко-правового знания. Это предопределяет актуальность исследования поздних этапов биографии ученого и его научного наследия на польском языке. Переехав из Советской России в Польшу, Е.В. Васьковский приступил к преподаванию в 1924 г. в Университете Стефана Батория (г. Вильно), где работал на протяжении 15 лет. Е.В. Васьковский в полной мере проявил себя как преподаватель, активный сотрудник системы образования, участник законотворческого процесса и ученый. Так, в разное время он был деканом и заместителем декана факультета права и общественных наук Университета Стефана Батория [1], а также председателем Дисциплинарной комиссии для профессоров [2]. В 1936 г. Е.В. Васьковский стал почетным профессором факультета, а в 1938 г. – членом-корреспондентом Польской академии знаний [1]. Также он был судьей *honoris causa* при Окружном суде Вильно [3], а также членом Кодификационной комиссии, где занимался разработкой проекта закона о бесспорном (неисковом) процессе [4]. Сведения о преподавательской

и научной деятельности Е.В. Васьковского того периода свидетельствуют, что он проявил себя прежде всего, как цивилист. Так, в ходатайстве деканата факультета права и общественных наук Университета Стефана Батория в сенат об оставлении проф. Васьковского на службе до 70 лет он назван «одним из выдающихся польских цивилистов, единственным представителем этой отрасли на факультете» [5]. Однако вопросы адвокатуры оставались в сфере интересов Е.В. Васьковского.

Первая его публикация по теме адвокатуры относится к 1932 г., когда в газете *Palestra* вышла статья Е.В. Васьковского «Задачи и значение адвокатуры» [6]. Двумя годами позже в Варшаве выходит его более объемная работа «Задачи адвокатуры и принципы адвокатской этики» [7]. В период 1936–1937 гг. Е.В. Васьковский также опубликовал статьи [8–11] в области адвокатуры, в которых, в том числе, сформулировал свои идеи по ее реформированию в Польше в целях предотвращения переполнения и деморализации. Кроме того, Е.В. Васьковский планировал к подготовке исследование под названием «Причины расцвета и упадка адвокатуры» [12; 13]. Однако этот труд так и не был опубликован.

Методы

Исследование основано на историко-правовом методе, позволившем проследить эволюцию польского законодательства об адвокатуре в межвоенный период. Формально-юридический метод использован для анализа нормативных актов 1918, 1932 и 1938 гг., а также для выявления тенденций усиления государственного контроля над адвокатской корпорацией. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении польского законодательства с опытом организации адвокатуры в других европейских странах, а также при анализе взглядов Е.В. Васьковского на автономию адвокатуры. Системный подход позволил рассмотреть законодательство об адвокатуре во взаимосвязи с политическим контекстом (режим «санации») и общественными дискуссиями того времени.

Основное исследование

После восстановления государственного суверенитета 11 ноября 1918 г. возрожденная Польша незамедлительно перешла к выстраиванию государственных институтов. Нормативный акт, устанавливающий временный правовой статус адвокатуры Польского государства, был обнародован 24 декабря 1918 г. [14], однако подготовительная работа над его текстом велась с 1917 г. [15]. Все версии проекта предусматривали формирование адвокатской корпорации через создание адвокатских палат с выборными органами самоуправления, что соответствовало демократическим устремлениям общественности того времени. Публикации того времени в польской периодической печати отражают поддержку профессиональным сообществом идеи создания независимой от государственных органов адвокатской корпорации, выстроенной на началах самоуправления и корпоративной организации [16–18]. Польские адвокаты, практиковавшие в период до обретения страной независимости, обладали опытом коллективной самоорганизации, который впоследствии лег в основу институциональной структуры возрожденной адвокатуры [17]. Следует отметить, что впоследствии значительное число представителей адвокатской профессии заняли руководящие должности в структурах исполнительной власти, судебной системе и органах прокурорского надзора [19].

В итоге Статут 1918 г. опирался на опыт устройства адвокатских корпораций в западноевропейских государствах, адаптированный к польским условиям, а также на отечественную польскую традицию [20]. Документ предусматривал устройство адвокатской корпорации на принципах автономии и самоуправления. Согласно данному правовому акту, польские адвокаты совмещали функции правозаступников и судебных представителей, действуя на основании договора с клиентом. В то же время правила профессиональной этики и ограничения на осуществление коммерческой деятельности акцентировали публично-правовой аспект адвокатской профессии.

Существенной особенностью данного этапа в развитии законодательства служил партикуляризм в правовом регулировании адвокатской профессии, обусловленный историческим прошлым возрожденного польского государства.

Установление в мае 1926 г. авторитарного режима «санации» обусловило трансформацию взаимоотношений между государственными структурами и адвокатским сообществом в сторону усиления конфронтации. События так называемого «Брестского процесса» 1931 г., в ходе которого адвокаты проявили активность в защите политических оппонентов режима, послужили дополнительным стимулом для властей к принятию нового законодательного акта, направленного на сокращение объема адвокатского самоуправления [21; 19]. Между тем инициирование работы над новым законопроектом об адвокатуре произошло существенно раньше событий «Брестского процесса» – предварительная версия проекта была подготовлена Кодификационной комиссией к 1928 г. при участии самих адвокатов [22]. Предстоящие изменения нормативного регулирования стали предметом дискуссии в периодических юридических изданиях [23; 24], при этом одним из центральных дискуссионных вопросов выступала проблема правовой природы адвокатской деятельности. В этом контексте уместно привести цитату из статьи 1930 г. А. Бобковского. Обозначив наличие дискуссии о том, является ли адвокат элементом системы правосудия или он призван быть в своей деятельности сродни биржевым маклерам, А. Бобковский продолжает: «Эти вопросы давно решены и в теории, и на практике, однако мы настолько успешно забыли об этих решениях, что даже не воспользовались исключительной возможностью – привлечь к работе человека, посвятившего изучению правильной организации адвокатуры двухтомный труд и в этой связи более чем кто-либо в мире подходящего для участия в решении этого вопроса, который по счастливому совпадению в настоящее время находится в Польше (речь, конечно, идет о профессоре университета Стефана Батория в Вильно Е. Васьковском), который снова, по странному стечению

обстоятельств, не был включен в подкомиссию, обсуждавшую организацию адвокатуры. Более того, труд профессора Васьковского («Организация адвокатуры», в 2 томах, русское издание, Петербург, 1893 г.), который в нормальных условиях мог и должен был стать гордостью нашей науки, а в нынешний момент – сыграть решающую роль, полностью исчез с книжного рынка и сегодня является библиографической редкостью» [25]. Из приведенной цитаты видно, что автор высоко оценил двухтомный труд Е.В. Васьковского и выразил сожаление о непривлечении его к участию в работе Комиссии по разработке проекта реформ.

Принятие нового «Закона об устройстве адвокатуры» датируется 7 октября 1932 г. [26]. Данный нормативный акт был издан в форме президентского указа в соответствии с конституционными прерогативами главы государства и являлся не итогом широкого общественного обсуждения, а результатом ускоренных действий исполнительной власти по его подготовке [22]. Закон наделил министерство юстиции надзорными функциями в отношении советов адвокатских палат и Высшего совета адвокатов, а министр получил полномочия по роспуску указанных органов в исключительных обстоятельствах с последующей передачей управленческих функций лицам из числа судей, назначаемым министром. Прокуратура была уполномочена осуществлять функцию обвинения в дисциплинарных производствах против адвокатов при констатации наличия «важного государственного интереса». Реакция представителей юридической общественности на принятие закона была в целом позитивной, что объяснялось прежде всего преодолением территориального разделения адвокатской корпорации и установлением унифицированных норм регулирования адвокатской профессии. Вместе с тем отдельные авторы в профессиональной прессе обращали внимание на законодательные нововведения, свидетельствовавшие об усилении государственного надзора, интерпретируя их как вынужденный компромисс, позволивший избежать еще более неблагоприятного сценария развития событий для адвокатуры [27].

Законодательный орган Польши (сейм) утвердил 4 мая 1938 г. очередной нормативный акт о регулировании адвокатской деятельности. Новый закон «Об устройстве адвокатуры» [28] отличался детальной проработкой и содержал ряд существенных нововведений. В частности, перечень институтов адвокатского самоуправления был расширен за счет включения ревизионной комиссии; при Верховном Суде была учреждена Палата по делам адвокатуры, функционировавшая в качестве инстанции первой или апелляционной юрисдикции по дисциплинарным делам, и т.д. Одновременно законодательство устанавливало механизмы государственного воздействия на адвокатуру. В состав Высшего совета адвокатов включались двенадцать лиц, назначение которых осуществлялось президентом Польши; сохранялись широкие контрольные функции министерства юстиции; нормы о дисциплинарной ответственности адвокатов получили подробную регламентацию. При этом Высший дисциплинарный суд был наделен правомочием по передаче дисциплинарных дел между судами равной юрисдикции «в связи с важными государственными интересами». Адвокатское сообщество выступило с критикой нового законодательного акта [29], рассматривая его как очередное вмешательство государственных структур в сферу адвокатской автономии [19].

Несмотря на отчетливо прослеживающиеся законодательные тенденции в сфере нормативного регулирования адвокатской деятельности, Е.В. Васьковский в период своего пребывания в Польше продолжал придерживаться позиции о необходимости обеспечения независимости адвокатской корпорации от государственных органов. Как было отмечено ранее, в преддверии реформы 1932 г. ученый не публиковал работ, посвященных предстоящим изменениям в законодательстве, однако после введения нового закона в действие в специализированных изданиях стали появляться его статьи по проблематике адвокатуры.

В опубликованной в 1934 г. в Варшаве работе «Задачи адвокатуры и принципы адвокатской этики» Е.В. Васьковский вновь подчеркивает

публичную природу института адвокатуры, которая призвана быть выразителем общественных интересов. В этой связи он пишет, что главная задача адвокатуры – «стоять на охране общественных интересов, заботясь об их реализации в процессе, контролировать от имени общества деятельность судей и других представителей государственной власти» [30]. Также в этой работе Е.В. Васьковский отсылает [30] читателя к статье Ц. Мейро [16], который обосновал необходимость независимости и широкой автономии адвокатуры.

В 1936 г. была опубликована статья «Две попытки этатизации адвокатуры» [8], в которой исследователь обращает внимание на процессы огосударствления адвокатской деятельности в СССР и устанавливает историческую параллель с преобразованием адвокатуры в Пруссии в XVIII столетии. Ученый не затрагивает в этой публикации текущую ситуацию в польской адвокатуре, вместе с тем в различных своих работах он систематически обращался к прусскому опыту XVIII в. как к показательному примеру последствий попытки трансформации адвокатов в государственных служащих.

Еще в «Организации адвокатуры» (1893 г.) он писал, что проведенная императором Фридрихом II реформа привела к утрате доверия к адвокатам со стороны самих тяжущихся, поскольку в адвокатах стали видеть обычных правительственных служащих [31]. Е.В. Васьковский единственно правильным способом организации института адвокатуры признает организацию ее на началах самоуправления, сущность которого заключается в том, что «адвокаты не знают над собой никакой посторонней власти, а подчиняются общей воле своего сословия» [31]. Эта общая воля образуется из воли всех членов сословия, поэтому единственным выразителем общей воли является общее собрание. Такая форма организации адвокатуры обеспечивает независимость, являющуюся необходимым условием осуществления адвокатской деятельности. Самоуправляемая организация сама будет заинтересована в поддержании профессиональной чести среди адвокатов, а

установление правил дисциплинарного производства и системы наказаний призвано служить гарантиями против злоупотреблений и произвола органов сословного самоуправления [31].

Заключение

Работы Е.В. Васьковского «польского» периода позволяют сделать вывод, что ученый не давал негативных оценок государственной политике, которая проводилась польским правительством в отношении адвокатской корпорации. В силу тех или иных причин он посчитал для себя невозможным выступить с явной критикой тенденций по усилению государственного контроля относительно адвокатуры в Польше. Однако он остался верен своему взгляду на адвокатуру как на общественный институт, который должен быть полностью независим от государства, и нашел способ выразить свое мнение по данному вопросу на страницах печати.

Таким образом, польское законодательство об адвокатуре в межвоенный период эволюционировало от широкой автономии (Статут 1918 г.) к усилению государственного контроля (законы 1932 и 1938 гг.); основными инструментами огосударствления адвокатуры стали расширение полномочий министерства юстиции, прокуратуры и президента, а также создание подконтрольных государству дисциплинарных органов. Е.В. Васьковский, несмотря на отсутствие открытой критики действующего режима, последовательно отстаивал в своих теоретических работах необходимость независимой самоуправляемой адвокатуры, опираясь на исторический опыт (в частности, прусский) и собственные фундаментальные исследования.

Список источников

1. Турлуковский Я. Евгений Владимирович Васьковский: две жизни – одна наука // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1. С. 152-160.
2. Gawrońska-Garstka M. Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie. Uczelnia ziem północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (1919–1939) w świetle źródeł. Poznań, 2016. S. 221.

3. Wańkowski Eugeniusz Włodzimierz. Czy wiesz kto to jest? / Pod ogólną redakcją S. Łozy. Warszawa, 1938. S. 781. URL: <https://archive.org/details/czy-wiesz-kto-to-jest-1938-1939/page/781/mode/2up> (data обращения: 04.04.2026).
4. Żochowski K. Eugeniusz Wańkowski o projekcie i ustawie Kodeks postępowania cywilnego z 1930/1933 roku – część I // *Miscellanea Historico-Iuridica*. – 2024. – Nr. 23 (2). – S. 72–104.
5. Archiwum Akt Nowych, Zesp. Min. WRiOP, sygn. 6427, mkf B 15420 – Akta osobowe Eugeniusza Wańkowskiego.
6. Wańkowski E. Zadanie i znaczenie adwokatury // *Palestra*. – 1932. – Nr. 3–10. – S. 90–100.
7. Wańkowski E. Zadanie adwokatury i zasady etyki adwokatskiej. Warszawa: Drukarnia Rolnicza, 1934. – 34 s.
8. Wańkowski E. Dwie próby etatyzacji adwokatury // *Wileński Przegląd Prawniczy*. – 1936. – Nr. 9. – S. 313–316.
9. Wańkowski E. Adwokatura przy Sądzie Najwyższym // *Gazeta Sądowa Warszawska*. – 1937. – Nr. 21. – S. 301–304.
10. Wańkowski E. Quo vadis, palestro? // *Gazeta Sądowa Warszawska*. – 1937. – Nr. 27–28. – S. 400–404.
11. Wańkowski E. Co począć z adwokatą? // *Gazeta Sądowa Warszawska*. – 1937. – Nr. 31–32. – S. 439–442.
12. Żochowski K. Zadanie adwokatury według Eugeniusza Wańkowskiego // *Palestra*. – 2022. – Nr. 7–8. – S. 230.
13. Sprawozdanie z działalności Wydziału Prawa i Nauk Społecznych Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie za rok akademicki 1934/1935 // *Rocznik Prawniczy Wileński*. – 1936. Rok VIII. – S. 17.
14. Dekret w przedmiocie Statutu Tymczasowego Palestry Państwa Polskiego // *Monitor Polski*. 1918. Nr. 240. S. 1-2.
15. Projekt Statutu Palestry Królestwa Polskiego // *Gazeta sądowa warszawska*. – 1917. Nr. 3. – S. 25–28.
16. Mejro C. Przyczynek do teorii autonomii adwokatskiej // *Gazeta sądowa warszawska*. – 1918. Nr. 1. – S. 2–6.
17. Likiert N. Adwokatura polska pod rządem rozyjskim // *Gazeta Sądowa Warszawska*. – 1917. – Nr. 2. – S. 17–20.
18. Chmurski A. Sądownictwo stanowe adwokackie // *Gazeta Sądowa Warszawska*. – 1917. – Nr. 47. – S. 482–484.
19. Krzemiński Z. Adwokatura polska w latach 1918-1939 // *Palestra*. – 1988. – Nr. 11–12. – S. 63–69.
20. Dalczyński A. Statut tymczasowy Palestry Państwa Polskiego // *Palestra*. – 1998. – Nr. 11–12. – S. 6.

21. Łyczywek R. Adwokatura międzywoenna i sprawa brzeska // *Palestra*. – 1969. – Nr. 7. – S. 58.
22. Kotliński T. Projekty urządzenia adwokatury polskiej w latach 1917-1938 // *Palestra*. – 2006. – Nr. 11–12. – S. 122–125.
23. Bardzki A. Adwokat czy mecenas? // *Głos sądownictwa*. – 1932. – Nr. 7–8. – S. 449–451.
24. Sądownictwo wobec projektu ustawy o ustroju adwokatury // *Głos sądownictwa*. – 1931. – Nr. 12. – S. 661–668.
25. Bobkowski A. Reforma adwokatury // *Głos sądownictwa*. – 1930. – Nr. 10. – S. 694.
26. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z 7 października 1932 r. «Prawo o ustroju adwokatury» // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. – 1932. – Nr. 86. – Poz. 733.
27. Kotliński T. Prawo adwokackie z 1932 roku w obiektywie prasy z epoki // *Palestra*. – 2012. – Nr. 5–6. URL: <https://palestra.pl/pl/czasopismo/wydanie/5-6-2012/artukul/prawo-adwokackie-z-1932-roku-w-objektywie-prasy-z-epoki> (дата обращения: 04.04.2026).
28. Prawo o ustroju adwokatury z 4 maja 1938 r. // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. – 1938. – Nr. 33. – Poz. 289.
29. Redzik A. 100 lat odrodzonej Adwokatury Polskiej. URL: <https://www.adwokatura.pl/100-lecie-adwokatury/historia-samorzadu-adwokatury-polskiej/> (дата обращения: 04.04.2026).
30. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / Е.В. Васьковский. – Москва: Статут, 2016. – 640 с.
31. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры / Е.В. Васьковский. – СПб.: Типография Стасюлевича М.М., 1893. – 213 с.

References

1. Turlukovskiy Ya. Evgeny Vladimirovich Vaskovsky: Two Lives – One Science. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Bulletin of Civil Procedure*. 2016. No. 1. P. 152–160 (in Russ.).
2. Gawrońska-Garstka M. Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie. Uczelnia ziem północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (1919-1939) w świetle źródeł = Stefan Batory University in Wilno. The University of the North-Eastern Lands of the Second Polish Republic (1919–1939) in the Light of Sources. Poznań, 2016. P. 221.
3. Waśkowski Eugeniusz Włodzimierz. Czy wiesz kto to jest? = Do You Know Who It Is? Edited by S. Łoza. Warszawa, 1938. P. 781. URL:

<https://archive.org/details/czy-wiesz-kto-to-jest-1938-1939/page/781/mode/2up>
(date of access 04.04.2026).

4. Żochowski K. Eugeniusz Waśkowski on the Draft and the Act of the Code of Civil Procedure of 1930/1933 – Part I. *Miscellanea Historico-Iuridica*. 2024. No. 23 (2). P. 72-104.

5. Archiwum Akt Nowych, Zesp. Min. WRiOP, sygn. 6427, mkf B 15420 – Akta osobowe Eugeniusza Waśkowskiego = Archive of New Acts, Collection of the Ministry of Religious Denominations and Public Education, Ref. 6427, microfilm B 15420 – Personal File of Eugeniusz Waśkowski.

6. Waśkowski E. The Task and Significance of the Bar. *Palestra*. 1932. No. 3–10. P. 90–100.

7. Waśkowski E. Zadanie adwokatury i zasady etyki adwokatskiej = The Task of the Bar and the Principles of Legal Ethics. Warszawa: Drukarnia Rolnicza Publ. 1934. 34 p.

8. Waśkowski E. Two Attempts at the Nationalization of the Legal Profession. *Wileński Przegląd Prawniczy = Vilnius Law Review*. 1936. No. 9. P. 313–316.

9. Waśkowski E. The Bar at the Supreme Court. *Gazeta Sądowa Warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1937. No. 21. P. 301–304.

10. Waśkowski E. Quo vadis, the Bar? *Gazeta Sądowa Warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1937. No. 27–28. P. 400–404.

11. Waśkowski E. What Should Be Done with the advocacy? *Gazeta Sądowa Warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1937. No. 31–32. P. 439–442.

12. Żochowski K. The Task of the advocacy According to Eugeniusz Waśkowski. *Palestra*. 2022. No. 7–8. P. 230.

13. Report on the Activities of the Faculty of Law and Social Sciences of Stefan Batory University in Vilnius for the Academic Year 1934/1935. *Rocznik Prawniczy Wileński = Vilnius Law Yearbook*. 1936. Vol. VIII. P. 17.

14. Decree concerning the Temporary Statute of the Bar of the Polish State. *Monitor Polski*. 1918. No. 240. P. 1–2.

15. Draft Statute of the Bar of the Kingdom of Poland. *Gazeta sądowa warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1917. No. 3. P. 25–28.

16. Mejro C. A Contribution to the Theory of Bar Autonomy. *Gazeta sądowa warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1918. No. 1. P. 2–6.

17. Likiert N. The Polish Bar under Russian Rule. *Gazeta Sądowa Warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1917. No. 2. P. 17–20.

18. Chmurski A. Estate Judiciary of the Bar. *Gazeta Sądowa Warszawska = Warsaw Judicial Newspaper*. 1917. No. 47. P. 482–484.

19. Krzemiński Z. The Polish Bar in the Years 1918–1939. *Palestra*. 1988. No. 11–12. P. 63–69.
20. Dalczyński A. Temporary Statute of the Bar of the Polish State. *Palestra*. 1998. No. 11–12. P. 6.
21. Łyczywek R. The Interwar Bar and the Brest Affair. *Palestra*. 1969. No. 7. P. 58.
22. Kotliński T. Projects for the Organization of the Polish Bar in the Years 1917–1938. *Palestra*. 2006. No. 11–12. P. 122–125.
23. Bardzki A. Lawyer or Patron? *Głos sądownictwa = Voice of the Judiciary*. 1932. No. 7-8. P. 449–451.
24. The Judiciary on the Draft Law on the Bar System. *Głos sądownictwa = Voice of the Judiciary*. 1931. No. 12. P. 661–668.
25. Bobkowski A. Reform of the Bar. *Głos sądownictwa = Voice of the Judiciary*. 1930. No. 10. P. 694.
26. Regulation of the President of the Republic of Poland of October 7, 1932 «Law on the Bar System». *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej = Journal of Laws of the Republic of Poland*. 1932. No. 86. Item 733.
27. Kotliński T. The Advocacy Law of 1932 in the Lens of the Press of the Era. *Palestra*. 2012. No. 5–6. URL: <https://palestra.pl/pl/czasopismo/wydanie/5-6-2012/artykul/prawo-adwokackie-z-1932-roku-w-objektywie-prasy-z-epoki> (date of access 04.04.2026).
28. Law on the Organization of the Bar of May 4, 1938. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej = Journal of Laws of the Republic of Poland*. 1938. No. 33. Item 289.
29. Redzik A. 100 lat odrodzonej Adwokatury Polskiej = 100 Years of the Reborn Polish Bar. URL: <https://www.adwokatura.pl/100-lecie-adwokatury/historia-samorzadu-adwokatury-polskiej/> (date of access: 04.04.2026).
30. Vaskovsky, E.V. *Izbrannye raboty pol'skogo perioda = Selected Works of the Polish Period*. Moscow: Statut Publ. 2016. 640 p. (in Russ.).
31. Vaskovsky, E.V. *Organizatsiya advokatury. Ch. 2. Issledovanie printsipov organizatsii advokatury = Organization of the Bar. Part 2. The Research of the Principles of the Bar Organization*. St. Petersburg: Stasyulevich M.M. Printing House Publ. 1893. 213 p. (in Russ.).

Статья поступила: 04.06.2026, принята к публикации: 11.06.2026.

© Соснин С.А., 2026

**О возможностях и пределах использования категории «механизм»
в юриспруденции**

Владислав Юрьевич Панченко^{1,2,3}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия

³ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Доктор юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен эвристический потенциал и границы применимости категории «механизм» в юридической науке. Исходя из того, что данная категория заимствована из технических дисциплин и теории управления, выявлены как позитивные стороны ее использования (системное описание правового воздействия, выделение стадий и элементов правового регулирования, возможность диагностики сбоя), так и принципиальные ограничения, обусловленные спецификой права как социально-культурного феномена, включающего сознание, интересы и адаптивные стратегии субъектов. На основе критического пересмотра классической позитивистской доктрины (С.С. Алексеев) с привлечением достижений современной материалистической теории права (В.М. Сырых), а также понятий правовой жизни и ее полиморфии, обоснован вывод о том, что категория «механизм» не может рассматриваться как универсальная и самодостаточная для объяснения процесса правового регулирования, ее абсолютизация ведет к недоучету субъективных факторов (правосознания, правовой культуры, правового отчуждения) и не позволяет адекватно описать случаи «мертвых» норм и адаптивное правовое поведение. В качестве альтернативы предлагается использовать категорию «правовая жизнь» в аспекте различных ее форм («полиморфия права») и их взаимодействия, позволяющее фиксировать переходы между различными формами существования права (позитивное, индивидуальное, конкретное, фактическое) и включающие как нормативные предписания, так и практики их реализации, деформированные и адаптивные.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правовая жизнь, полиморфия права, позитивизм, материалистическая теория права, правосознание, правовая культура

Для цитирования: Панченко В.Ю. О возможностях и пределах использования категории «механизм» в юриспруденции // IP: теория и практика. 2026. № 2.

Original article

On the Possibilities and Limits of Using the Category "Mechanism" in Jurisprudence

Vladislav Yu. Panchenko^{1,2,3}

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

² All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

³ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Doctor of Law

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

panchenkovlad@mail.ru

Abstract. This article examines the heuristic potential and applicability limits of the category "mechanism" in legal science. Based on the fact that this category is borrowed from technical disciplines and management theory, both the positive aspects of its use (systematic description of legal impact, identification of stages and elements of legal regulation, the ability to diagnose failures) and fundamental limitations caused by the specific nature of law as a socio-cultural phenomenon, including the consciousness, interests and adaptive strategies of subjects. Based on a critical revision of the classical positivist doctrine (S.S. Alekseev) with the involvement of the achievements of the modern materialistic theory of law (V.M. Syrykh), as well as the concepts of legal life and its polymorphism, the conclusion is substantiated that the category of "mechanism" cannot be considered universal and self-sufficient for explaining the process of legal regulation; its absolutization leads to an underestimation of subjective factors (legal consciousness, legal culture, legal alienation) and does not allow for an adequate description of cases of "dead" norms and adaptive legal behavior. As an alternative, it is proposed to use the category of "legal life" in terms of its various forms ("polymorphism of law") and their interactions, allowing for the recording of transitions between various forms of legal existence (positive, individual, concrete, factual) and encompassing both

normative prescriptions and their implementation practices, including deformed and adaptive ones.

Keywords: legal regulation mechanism, legal life, polymorphism of law, positivism, materialist theory of law, legal consciousness, legal culture.

For citation: Panchenko V.Yu. On the Possibilities and Limits of Using the Category 'Mechanism' in Jurisprudence // IP: Theory and Practice. 2026. No. 2.

Введение

Категория «механизм» давно и прочно обосновалась в понятийном аппарате отечественной юриспруденции, прежде всего в рамках теории права применительно к описанию и объяснению процесса правового регулирования. Благодаря фундаментальным трудам С.С. Алексеева и его последователей категория «механизм правового регулирования» стала едва ли не обязательным атрибутом монографий, учебников, научных статей как по общей теории права, так и по отраслям права. Под механизмом правового традиционно понимается взятая в единстве совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, а в качестве основных элементов выделяются юридические нормы, правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей, а также нормативные правовые акты, правосознание, правовая культура, законность и др.

Однако, по верному замечанию В.М. Сырых, понятия «регулятор» и «регулирование» первоначально возникли в технических науках и кибернетике для описания работы саморегулируемых систем, регулятор в техническом смысле – есть компонент системы, который в реальном времени отслеживает отклонения параметров и вырабатывает корректирующие сигналы, часто на основе принципа отрицательной обратной связи. Перенос этой метафоры в правоведение, по убеждению В.М. Сырых, порождает глубокую методологическую ошибку: нормы права, зафиксированные в его формальных источниках, представляют собой не сам регулятор, а аналог проектно-конструкторской документации – набор инструкций и чертежей,

описывающих, как должен действовать механизм, но не содержащих в себе «энергии» для его запуска.

В самом деле, если вдуматься, норма права сама по себе существует как текст (письменное или устное установление), который должен быть воспринят, понят, интерпретирован и лишь затем – по свободной воле субъекта или под угрозой государственного принуждения – воплощен в поведении. Между нормой и реальным действием всегда находятся сознание, интересы, мотивы, ценностные установки человека. Следовательно, правовое регулирование не является механическим или механистическим процессом, а представляет собой сложный социокультурный феномен, где термин «механизм» во многом имеет метафоричный характер.

На наш взгляд, необходимо, сохранив позитивные достижения системного анализа, предложенного С.С. Алексеевым, определить границы применимости категории «механизм» в юриспруденции.

Методы

Методологическую основу исследования составляет диалектика, позволяющая рассматривать правовое регулирование как процесс, включающий в себя переходы между различными формами бытия права (возможность – действительность, абстрактное – конкретное и т.п.). Использован формально-логический метод для выявления внутренних противоречий в позитивистской доктрине механизма правового регулирования. Задействованы элементы социологического подхода (анализ практик правового отчуждения и адаптации) и метода историко-правовой реконструкции (рассмотрение эволюции научных взглядов).

Основное исследование

Работа С.С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (1966) явилась несомненным научным прорывом для своего времени, который позволил преодолеть фрагментарный

подход, когда нормы, правоотношения, акты реализации изучались изолированно. С.С. Алексеев предложил рассматривать их как звенья единой цепи, что соответствовало системному подходу общенаучной тенденции того времени. Механизм правового регулирования, по С.С. Алексееву, включает три стадии: 1) регламентирование общественных отношений (нормы права); 2) возникновение прав и обязанностей (правоотношения); 3) реализация субъективных прав и обязанностей [1, с. 33–34].

Такая схема давала ответы на практические вопросы: где искать сбои в правовом регулировании? Например, если норма есть, но правоотношение не возникает, значит, не срабатывают юридические факты (отсутствуют необходимые действия или события, либо их установление чрезмерно затруднено и пр.); если же правоотношение есть, но конкретные субъективные юридические права не реализуются – возможно, отсутствуют эффективные правообеспечительные механизмы. Такая модель механизма оказалась чрезвычайно удобной для дидактических целей и для первоначального, общего сравнения правовых систем разных государств и их типологии.

С.С. Алексеев отмечал, что механизм правового регулирования не исчерпывается нормами и правоотношениями, но включает правосознание и правовую культуру [1, с. 35]. Правда, как справедливо заметили последующие критики, эти субъективные элементы остались в его теории скорее декларацией, чем реально работающей частью механизма.

Однако уже в самой терминологии скрыты методологические неопределенности. С.С. Алексеев использовал слово «механизм» в переносном, метафорическом смысле, но его последователи (и, отчасти, он сам) начали придавать этой метафоре свойства буквальности. Право стали представлять, как некий агрегат, где норма – «рычаг», правоотношение – «передаточная шестерня», акт реализации – «исполнительное устройство» и т.д. Такое «овеществление» права явно противоречит его природе как феномена, неразрывно связанного с сознанием и волей людей.

Наиболее последовательную и системную критику «механического» подхода предпринял В.М. Сырых в рамках разработанной им материалистической теории права. В.М. Сырых утверждает, что нормы позитивного права сами по себе не являются регуляторами, а регулирование в праве осуществляется на уровне возникновения правоотношений, который в частном праве представлен самими индивидами (их волей и действиями), а в публичном – правоприменительными органами [2, с. 7–8].

В.М. Сырых проводит различие между проектно-конструкторской документацией (законы, подзаконные акты и иные формальные источники права) и реально действующими техническими устройствами (общественные отношения, деятельность людей). Законодатель проектирует пути (каналы), по которым реальная энергия людей (интерес, потребность, воля субъекта, активность, деятельность, усилия и т.д.) должна направляться. Если же у субъекта нет интереса в реализации права, если для него выгоднее нарушить закон или вовсе не вступать в правоотношения, никакой «механизм» не заставит его действовать иначе, альтернативой выступает внешнее принуждение, которое часто является ресурсозатратным. Поэтому, считает В.М. Сырых, эффективность права зависит не столько от совершенства «механизма», сколько от того, насколько правовые предписания соответствуют объективным закономерностям общественного развития и реальным интересам людей [2, с. 16–18].

Критика механистических представлений со стороны В.М. Сырых, на наш взгляд, является принципиальной в силу того, что она показывает, что категория «механизм» скрывает активную роль субъекта. В техническом механизме детали не имеют собственных целей и желаний; они либо исправны, либо нет. В праве же субъект может быть вполне «исправен» (дееспособен, вменяем и пр.), но сознательно выбирать неправомерное поведение или, напротив, не использовать свои права по разным причинам. Правовое регулирование – это не однозначная причинно-следственная связь

«норма – действие», а вероятностный процесс, зависящий от множества социальных, психологических и культурных переменных.

Для преодоления ограничений «механистической» схемы в современной юриспруденции (в том числе в работах самого автора настоящей статьи) разрабатывается понятие полиморфии права. Полиморфия (от греч. πολύς – многих и μορφή – форма) означает способность одного и того же явления – права – существовать и функционировать в разных внешних формах в течение своего жизненного цикла [3, с. 5–6].

В соответствии с материалистической теорией В.М. Сырых можно выделить, как минимум, четыре формы права [2, с. 1–2; 3, с. 6–7]. Первая форма – позитивное право: система общеобязательных норм, исходящих от государства и закрепленных в формальных источниках (законы, указы, постановления и т.д.), т.е. своеобразная «проектная документация», существующая объективно, но не действующая автоматически.

Вторая форма – индивидуальное право: результат правосознания, т.е. представления индивида (или группы) о допустимом и должном поведении, которые он готов реализовать в своей деятельности. Сюда входит и индивидуальное право должностных лиц-правоприменителей, которое важно для публично-правовой сферы, и индивидуальное право частных лиц.

Третья форма – конкретное право: предписания индивидуального характера, содержащиеся в правоприменительных актах (приговорах, решениях судов, приказах) и договорах (соглашениях). Это форма, в которой общая норма «спускается» до уровня единичного отношения и получает конкретное наполнение.

Четвертая форма – фактическое право: реальное поведение людей, реализующее (или нарушающее) конкретные правовые предписания. Это форма, в которой право окончательно переходит из идеального (должного) в материальное (сущее) и становится частью предметно-практической деятельности.

Понятие «полиморфия» фиксирует, что право постоянно переходит из одной формы в другую: позитивное – индивидуальное – конкретное – фактическое. Причем эти переходы не являются автоматическими. Возможны «разрывы»: позитивная норма может так и не стать индивидуальным правом (если индивид ее не знает, не принимает, не интерпретирует в свою пользу); индивидуальное право может не воплотиться в конкретный акт (если лицо, например, не решится на обращение в суд или не заключит договор); конкретный акт может остаться неисполненным (фактическое право не наступает). В этой многоканальной и многовариантной динамике значительную роль играет процесс принятия человеческих решений.

Пределы применимости категории «механизм» показательны в примерах из юридической практики.

Так, массовое неисполнение судебных решений с точки зрения «механизма правового регулирования» представляет собой «сбой на стадии реализации». Норма права и основанное на ней правоприменительное решение есть (решение суда вступило в законную силу), правоотношение возникло (должник обязан уплатить, взыскатель вправе требовать), акт реализации (исполнительное производство) запущен. Однако механизм «буксует»: имущества у должника нет, доходы неофициальные, приставы перегружены и т.д. и т.п., а немаловажно и то, что сам должник (если он действует недобросовестно) не испытывает внутреннего побуждения исполнить решение. Его индивидуальное право, как представление о должном, не совпадает ни с позитивным, ни с конкретным правом, правовая норма не переведена в его внутреннюю установку. Механистическая схема этого не объясняет, она лишь констатирует «сбой». Материалистическая же теория права и понятие полиморфии показывает разрыв между конкретным правом (судебным решением) и фактическим правом (реальным поведением должника), для преодоления которого нужны не столько «улучшения механизма», сколько изменение внешних, внеправовых стимулов.

Рациональная стратегия юридически значимой деятельности в условиях дефектов правоприменения может выступать и правовая апатия. Предприниматель в условиях административных барьеров и коррупционных проявлений, зная о праве обжаловать действия чиновников в суде, заявлять о необходимости возбуждения уголовных дел и др. выбирает не активную защиту прав, а «адаптацию» – платить, не обращаться, «не высовываться». С позиции механической модели, он ведет себя «деформированно» (правовой нигилизм, пассивность). Однако его внутреннее решение – результат осознанного соотнесения издержек и выгод [4, с. 8–10], демонстрирующий адекватную условиям правовую культуру «выживания».

В законодательствах всех государств существует некоторое количество правовых норм, которые формально не отменены, но фактически не применяются. Например, технические регламенты, противоречащие современным технологиям; нормы, требующие получения разрешений, которые никто не выдает в силу отсутствия административного регламента и т.д. «Механизм» в таких случаях не работает, потому что отсутствует одно из звеньев (например, нет подзаконного акта или нет практики привлечения к ответственности). Однако схема «норма – правоотношение – реализация» не позволяет отличить «мертвую» норму от «действующей», это возможно лишь эмпирически, путем обращения к практике. Материалистическая теория права объясняет это отсутствием перехода из позитивного права в индивидуальное (никто не воспринимает норму как руководство к действию) и в конкретное (нет актов применения), а причины могут скрываться как в дефектах юридической техники и низком уровне правовой культуры, так и в несоответствии реальным потребностям людей.

Наконец история знает немало примеров правового отчуждения, несущего позитивный смысл. Так, в нацистской Германии существовали расовые и иные античеловеческие законы и т.д., а многие граждане, внутренне не принимая эти нормы, тем не менее формально их соблюдали – из страха, а не из убеждения. Механическая схема здесь показывает «работу»: есть и

нормы, и правоотношения, и реализация. Категория «механизм», будучи использованной безоценочно, оказывается нейтральной к содержанию права и может легитимировать любую репрессивную систему как «исправно работающий механизм», и в этом заключается определенная опасность.

Понятием, способным «снять» ограничения механистического подхода, является «правовая жизнь». Как пишет А.В. Малько, правовая жизнь – это «форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [5, с. 6–7].

Категория «правовая жизнь» имеет ряд преимуществ. Во-первых, она априорно включает в себя не только «работающие» элементы (нормы, акты, правоотношения), но и «патологии» (правовые ошибки, лакуны, коллизии, коррупционные риски, правовой нигилизм). Во-вторых, она ориентирует на исследование реального правового поведения, а не только на анализ текстов законов. В-третьих, она позволяет изучать правовое отчуждение – феномен, который в «механизме» выглядит как просто «поломка», но в реальности может быть осознанной адаптационной стратегией [5, с. 8–9]. Развивая эту идею, В.В. Гурьев предлагает понятие «государственно-правовая жизнь», акцентируя внимание на участии органов публичной власти в формировании и поддержании правопорядка [6, с. 91–96]. Правовая жизнь, таким образом, не сводится к работе «механизма»; она включает в себя всю палитру юридических практик – от заседаний парламента до актов соблюдения правил дорожного движения.

Из сказанного не следует, что категорию «механизм» нужно «изгнать» из юриспруденции, она сохраняет свою продуктивность в следующих областях.

Во-первых, в тех сферах общественных отношений, где есть четкие алгоритмы и однозначные причинно-следственные связи (например, регистрационные действия и процедуры, работа публичных онлайн-сервисов

и т.д.). В этих областях поведение субъекта действительно приближается к действию «автомата». «Механизм» здесь работает, потому что степень свободы усмотрения сведена к минимуму, а санкции за отклонения неотвратимы. В то же время и здесь есть пределы – даже при регистрации недвижимости возможны споры о праве, которые не решаются «автоматически».

Во-вторых, категория «механизм правового регулирования» продуктивна в дидактических целях – для первоначального знакомства студентов с логикой правового регулирования. Схема «норма – правоотношение – реализация» удобна для запоминания и создает базовый каркас, на который затем наращиваются более сложные представления о правовой культуре, правосознании, пробелах, коллизиях и т.д. Но важно подчеркивать условность этой схемы, чтобы не формировать механистическое мышление.

В-третьих, при моделировании «нормальных», «идеальных» правовых процессов, когда мы абстрагируемся от человеческого фактора и предполагаем, что субъекты полностью информированы, рациональны и стремятся следовать закону. Такое моделирование полезно для выявления логических нестыковок в праве и юридической практике.

В-четвертых, в некоторых институтах частного права, где действует принцип «автоматизма»: например, при наследовании по закону факт смерти и наличие родственных отношений автоматически порождают право на наследство (если нет отказа). Здесь переход от юридического факта к правоотношению действительно напоминает срабатывание механизма. Но даже в этом случае нужны действия наследников по принятию наследства, т.е. субъективный фактор, энергия, усилия людей.

Альтернативой механистическому подходу может стать полиморфный подход, где право рассматривается как сложная адаптивная система, включающая нормы (позитивное право), интерпретации и убеждения (индивидуальное право), индивидуальные предписания (конкретное право) и

массовое поведение (фактическое право). Компоненты этой системы находятся в постоянном взаимодействии, и изменение одного компонента (например, принятие нового закона) не приводит автоматически к изменениям в других; результат зависит от того, как закон будет воспринят правоприменителями и гражданами.

При таком ракурсе категория «механизм правового регулирования» может быть сохранена, но с обязательной оговоркой о ее условности и лишь как один из элементов более широкой категории «правовая жизнь». Правовая жизнь – такая среда, где могут существовать разные механизмы (нормативный, институциональный, судебный, договорный и иные), но среда эта имеет собственную динамику, не сводимую к сумме механизмов.

Интересно, что и сам С.С. Алексеев, вводя понятие механизма правового регулирования, понимал его ограниченность, писал о «психологическом механизме» воздействия права, о роли правосознания и правовой культуры [1, с. 62–63]. Современная же задача состоит в том, чтобы, опираясь на его системный анализ, «дополнить» механизм субъективностью, историчностью и культурной обусловленностью.

Так, при оценке эффективности права нельзя ограничиваться формальными показателями (количество принятых норм, число возбужденных дел и т.д.). Необходимо изучать реальное правовое поведение, включая пассивные стратегии (уклонение, апатию). Высокий уровень правовой апатии, даже при внешнем соблюдении законов, – тревожный сигнал, указывающий на то, что право не стало частью внутреннего мира субъектов. В таких случаях бесполезно «совершенствовать механизм» путем ужесточения санкций; нужно менять условия жизни, уменьшать коррупцию, повышать доверие граждан и т.д.

Правотворчество должно издавать те правила, для осуществления которых наличествуют или одновременно создаются условия для прохождения позитивным правом этапов индивидуализации, конкретизации и фактического воплощения, что во многих случаях требует упрощения

процедур, снижения издержек, борьбы с коррупцией, правового просвещения и иных мер.

Правовая культура и правосознание не должны рассматриваться как дополнения к механизму правового регулирования, они и есть реальный регулятор поведения людей.

Наконец, юридическая наука и образование должны критически относиться к механистической риторике. Студентов-юристов следует учить не только схемам, но и пониманию психологии, экономики, социологии права.

Заключение

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Категория «механизм правового регулирования», введенная С.С. Алексеевым, сыграла положительную роль в систематизации юридического знания и выделении стадий и элементов правового воздействия и сохраняет дидактическую ценность, может применяться для моделирования простых, формализованных правовых режимов, а также для первоначального изучения правовых систем.

2. Использование категории «механизм правового регулирования» имеет пределы. Право не является техническим устройством; его «работа» неразрывно связана с сознанием, волей, интересами, ценностными установками людей. Механическая метафора ведет к недоучету роли правосознания и правовой культуры, невозможности адекватно описать такие феномены, как правовая апатия, правовое отчуждение и адаптивное поведение.

3. Разграничение проектно-конструкторской документации (позитивное право) и реальных регуляторов (индивиды) показывает, что нормы сами по себе не создают изменений, эффект возникает только при переходе позитивного права в индивидуальное, конкретное и фактическое – т.е. при условии активной роли субъекта.

4. Для преодоления ограниченности механистической схемы продуктивнее использовать категорию «правовая жизнь», охватывающую всю совокупность юридических практик, включая деформированные и адаптивные и позволяющую исследовать право в его реальной динамике, с учетом культурных, психологических и ситуационных факторов.

5. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой интегративных моделей, которые сочетали бы субъектно-ориентированный и культурно-исторический подход. Необходимо создание таких теоретических конструкций, которые могли бы объяснить не только «нормальное» действие права, но и случаи его бездействия и отторжения.

Таким образом, категория «механизм правового регулирования» в юриспруденции привычна, традиционна, и ее использование вполне возможно и допустимо, однако превращать ее в универсальную схему процесса правового регулирования означает упрощенное и, в конечном счете, неадекватное видение правовой реальности. Понимание того, что право существует не в виде механизма, а в форме сложной, противоречивой и адаптивной правовой жизни с собственной структурой позволит юридической науке давать реалистичные рекомендации для правовой политики и юридической практики, а также воспитывать юристов, способных мыслить адекватно фактической реальности.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – Москва: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
2. Сырых В.М. О регуляторах в правовом регулировании / В.М. Сырых // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 2–21.
3. Панченко В.Ю. Полиморфия права и структура правовой жизни / В.Ю. Панченко // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 5–10.
4. Панченко В.Ю. Деформация правосознания, правовой культуры и адаптивное поведение в правовой жизни: о критериях разграничения в

контексте диалектики интересов / В.Ю. Панченко, Л.А. Петручак // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 9–31.

5. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А.В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 6–10.

6. Гурьев В.В. Государственно-правовая жизнь общества: проблема минимизации конфликтности и расширения сферы сотрудничества / В.В. Гурьев // Государственно-правовые исследования. – 2022. Вып. 5. – С. 91–96.

References

1. Alekseev S.S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve = Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State*. Moscow: *Yuridicheskaya literature Publ.* 1966. 187 p. (in Russ.).

2. Syrykh V.M. On Regulators in Legal Regulation. *IP: teoriya i praktika*. 2025. No. 4 (12). P. 2–21 (in Russ.).

3. Panchenko V.Yu. Polymorphism of Law and the Structure of Legal Life. *IP: teoriya i praktika*. 2025. No. 4 (12). P. 5–10 (in Russ.).

4. Panchenko V.Yu., Petrushak L.A. Deformation of Legal Consciousness, Legal Culture and Adaptive Behavior in Legal Life: on the Criteria of Differentiation in the Context of the Dialectic of Interests. *IP: teoriya i praktika*. 2025. No. 4 (12). P. 9–31 (in Russ.).

5. Mal'ko, A.V. The Category of «Legal Life»: Problems of Formation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2001. No. 5. P. 6–10 (in Russ.).

6. Gur'yev, V.V. State-Legal Life of Society: The Problem of Minimizing Conflict and Expanding the Sphere of Cooperation. *State and Legal Studies = Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya*. 2022. Iss. 5. P. 91–96 (in Russ.).

Статья поступила: 02.06.2026, принята к публикации: 10.06.2026.

© Панченко В.Ю., 2026

ЧАСТНО ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 347.78

Использование стоковых иллюстраций в издательском деле: правовые аспекты

Анастасия Валерьевна Медведева,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности,

Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Научно-библиотечного и издательского центра

Магистрант

Кандидат филологических наук

a.medvedeva@rgiis.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности использования стоковых иллюстраций издающими организациями. Особое внимание уделено открытым лицензиям – договорам, на основании которых происходит продажа иллюстраций стоковыми сервисами. Сформулированы достоинства и недостатки сотрудничества издательств и стоковых сервисов, направления дальнейшего совершенствования законодательства по использованию стокового контента.

Ключевые слова: сток, стоковый сервис, стоковая иллюстрация, контент, издательство, открытая лицензия, агрегатор, личные неимущественные права.

Для цитирования: Медведева А.В. Использование стоковых иллюстраций в издательском деле: правовые аспекты // IP: теория и практика. – 2026. – №2.

Original article

Using stock illustrations in publishing: legal aspects

Anastasia V. Medvedeva,

Russian State Academy of Intellectual Property,

Moscow, Russia

Deputy editor-in-chief Scientific Library and Publishing Center

Master's student

PhD of Philology
a.medvedeva@rgiis.ru

Abstract. The article discusses the features of using stock illustrations by publishing organizations. Special attention is paid to open licenses, which are the agreements on the basis of which stock services sell illustrations. The article outlines the advantages and disadvantages of cooperation between publishing houses and stock services, as well as the directions for further improvement of legislation on the use of stock content.

Keywords: stock, stock service, stock illustration, content, publisher, open license, aggregator, personal non-property rights.

For citation: Medvedeva A.V. Using stock illustrations in publishing // IP: Theory and practice. 2026. No 2.

Введение

Иллюстрации в издательском деле используются либо при выпуске изданий (например, атласов, альбомов, открыток), либо как визуальный ряд к текстовым произведениям. Традиционно произведения изобразительного искусства приобретались издающими организациями напрямую у создателей – художников и дизайнеров – посредством их поиска в профессиональной среде. Сделки оформлялись путем применения известных юридических конструкций: либо договора авторского заказа, либо лицензионного договора [1, 2, 3]. Договор авторского заказа применялся в том случае, когда иллюстрации и фотографии создавались по инициативе (по заказу) издательства, лицензионный договор – когда иллюстрации к моменту сделки уже были созданы по инициативе автора. Также права могли быть переданы по договору отчуждения.

Однако появление и развитие интернет-технологий привело к тому, что автор смог самостоятельно заявить о создании произведения и предложить его использование неограниченному кругу лиц на определенных условиях, устанавливая их сразу, а не обсуждая предварительно.

Рыночные отношения, внедренные таким образом в отношения по авторским правам на произведение, логично привели к тому, что стали необходимы площадки для встречи покупателя и продавца произведений, и

прежде всего – произведений изобразительного искусства. Площадками стали стоки (англ. *stock* – склад) – по сути «супермаркеты» с большим ассортиментом иллюстраций. Произведение для использования может предложить и физическое лицо напрямую, но использование агрегатора эффективнее: он выполняет роль «магазина», без которого поиск «товара» будет затруднен, и торговля не принесет должный коммерческий эффект. Такой подход способствовал коммерциализации прав на интеллектуальную собственность, превратив иллюстрации – объекты авторского труда в массовый продукт. Однако новый принцип работы потребовал и иной формы договора.

Методы

При написании статьи использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция). Также использовались: 1) метод восхождения от конкретного к абстрактному, который позволил исходя из имеющейся практики издательской работы выявить проблемы при использовании иллюстраций на стоках; 2) сопоставительный метод, с помощью которого сопоставлялись доктринальный и законодательный подход к использованию произведений изобразительного искусства с реальной практикой продажи стокового контента.

Основное исследование

Стоки представляют собой онлайн-платформы, на которых происходит предложение и продажа стоковых иллюстраций. На стоковых платформах также может предлагаться аудио- и видеоконтент. Технической особенностью таких иллюстраций является их существование в форме компьютерного файла, иными словами, к стоковым иллюстрациям относятся лишь цифровые продукты (не только фотографии, но и векторные иллюстрации). Получая права использования, пользователь получает экземпляр произведения – компьютерный файл необходимого технического качества.

Выстроенные по иному принципу отношения авторов произведений изобразительного искусства и заинтересованных потребителей (в частности, издательств) привели к применению нового для издательского дела типа договора – открытой лицензии. Глубинное значение открытой лицензии – монетизация, способность быстро ввести продукт творчества в коммерческий оборот.

Открытая лицензия была введена в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) Федеральным законом от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В ГК РФ дефиниции понятия «открытая лицензия» не дается. Однако, опираясь на текст статьи 1286.1, можно назвать следующие основные характеристики открытой лицензии:

- 1) существование в форме договора присоединения;
- 2) упрощенный порядок получения прав;
- 3) открытая лицензия является неисключительной [4, с. 42].

Существование в форме договора присоединения, когда все условия лицензии размещены таким образом, чтобы с ними мог ознакомиться неопределенный круг лиц и при желании присоединиться к договору, соглашаясь на эти условия, продиктовано самой сутью и причинами появления открытых лицензий.

Субъектами издательской деятельности появление возможности приобретения контента по открытой лицензии было принято положительно по ряду причин:

- потенциально расширялся круг авторов произведений изобразительного искусства;
- значительно увеличивался выбор произведений для использования;
- снижались расходы на оплату услуг художников и фотографов;
- появилась возможность получить труднодоступный контент (например, фотографии других городов, промышленного оборудования и т.д.);

– со стороны издательства не требовался контроль юридической чистоты (например, согласия модели на съемку или разрешения на съемку частной территории).

Однако функционирование стоковых сервисов, несмотря на все удобство их применения, выявило ряд противоречий между правовыми нормами и реальными условиями коммерциализации прав на произведения изобразительного искусства.

При работе со стоками отношения автора и издателя по поводу прав на стоковую иллюстрацию или фотографию становятся опосредованными и предполагают следующую договорную конструкцию:

– сначала заключается соглашение между стоком и обладателем исключительных прав;

– сток предлагает объект интеллектуальных прав по открытой лицензии, к которой присоединяется издающая организация.

Что касается **правоотношений между автором и стоком**, в законодательстве *нет четкого указания на то, в какой форме это реализуется*. Поэтому на практике можно столкнуться и с передачей прав, например, по агентскому договору (в частности, такую форму использует фотосток «Лори») или по авторскому договору, предусматривающему передачу ряда прав (распространение, воспроизведение, публикацию и др.) по неисключительной лицензии (такую форму предлагает фотосток PressFoto). Целесообразно выработать четкую законодательную позицию относительно того, какой формы договора придерживаться. Уместнее здесь выглядит агентский договор, поскольку стоки выполняют лишь роль посредника во взаимоотношениях автора и издающей организации (и других заинтересованных пользователей). В случае с фотостоком «Лори» сток является стороной договора, именуемой агентом, и совершает действие по поручению правообладателя произведения (принципала), но от своего имени. В таком случае сток не получает права использования от автора. Во

взаимоотношениях с PressFoto автор подписывает неисключительную лицензию, передавая определенные лицензией права стоку.

Следующим слабым моментом является то, что в российском законодательстве не отражены существующие типы лицензий [5], по которым сток может предложить издательству произведение. Между тем сложившийся вид лицензии может противоречить фундаментальным основам авторского права. К примеру, через стоки могут распространяться лицензии Public Domain. Такой тип лицензии учитывает доктрину некоторых стран, разрешающих автору по его волеизъявлению отказываться от всех прав на свое произведение, включая личные неимущественные, передавая его в общественное достояние. Согласно российской правовой доктрине каждое произведение имеет автора и имя должно быть указано, а если оно не указано, то с согласия самого автора, а переход в общественное достояние возможен лишь по истечении срока охраны прав. Другой пример – лицензии Creative Commons Zero, согласно которым автор отказывается от прав в максимально разрешенной в стране законом степени и произведение также может использоваться без указания имени.

Вообще несоблюдение требований российского законодательства в части охраны личных неимущественных прав – основная правовая проблема при функционировании стоков. Например, в агентском договоре стока «Лори» одним из условий является указание или неуказание имени автора *по усмотрению не самого автора, а стока или даже третьего лица* (п. 1.8 агентского договора по состоянию на апрель 2026 г.).

Важно отметить причину такой «невнимательности». Она видится в ином подходе к сути произведения. В российской правовой доктрине доминирует соблюдение и экономических, и репутационных интересов авторов. Для фотостоков характерна коммерческая модель во взаимоотношениях с автором: небольшой размер оплаты за пользование произведением, который должен компенсироваться большим количеством создаваемого контента. С одной стороны, это поддерживает финансовую

заинтересованность автора, с другой – расширяет ассортимент произведений для продажи прав, что способствует большему спросу. Однако такой подход ослабляет смысл доктрины авторских прав и охраноспособности произведения изобразительного искусства. Традиционно произведение изобразительного искусства рассматривалось как уникальный результат творческого труда. Возможность приобретения по лицензии любой стоковой иллюстрации де-юре означает признание всех предлагаемых к продаже произведений охраноспособными. Хотя де-факто далеко не все из них носят творческий характер, а в некоторых случаях вообще отличаются лишь незначительными деталями. Признание такой «ослабленной» творческой составляющей происходит путем низкой цены за использование стоковой иллюстрации, а также более лояльным отношением к соблюдению личных неимущественных прав автора.

Прямые правоотношения издательства и авторов (правообладателей) предполагали полное соблюдение личных интересов автора, включая право автора на имя.

События последних лет показали, что под влиянием политической обстановки стоки могут нарушать права авторов на получение вознаграждения. В частности, после 2022 г. авторы из России и Беларуси столкнулись с ограничениями со стороны зарубежных стоков: вывод денежных средств стал возможен только через иностранные банковские счета или платежные системы, зарегистрированные до введения санкций.

Правоотношения с автором противоречат законодательству России и при реализации права на обнародование и права на отзыв. Например, PressFoto устанавливает такое условие, как удаление изображения без уведомления автора о таких действиях.

Интересным является и использование такого документа, как испрашиваемый от фотографов имущественный релиз (property release) – согласие владельца на использование изображения вещи, являющейся объектом авторского права, но при этом не музейным экспонатом (например,

авторские ювелирное изделие, кукла, скульптура) или зданий и сооружений, расположенных на частной территории. Причем имущественный релиз подписывает именно владелец вещи, но не авторских прав на нее. Таким образом, подход в отношении использования музейных предметов на практике стал распространяться и на использование предметов, находящихся в частном владении – по крайней мере в контексте использования открытых лицензий на стоках.

Открытые лицензии уже используются стоками и при реализации произведений изобразительного искусства, созданных при помощи искусственного интеллекта. Для того чтобы предложить на реализацию такие произведения, автору необходимо обладать исключительными правами на него, для чего изучаются условия сервисов искусственного интеллекта. Сервисы могут предоставлять промптерам такое право на свое усмотрение. Также в обязательном порядке нужно указывать, что изображение сгенерировано при помощи ИИ-сервиса. Например, на таких условиях работает фотосток «Лори».

Таким образом, на практике обладание промптером исключительными правами на созданное изображение вполне допускается, несмотря на то, что в юридической науке этот вопрос остается открытым.

Оформление правоотношения стока и издающей организации происходит уже с помощью открытой лицензии, которая на стоках предлагается лишь как простая (неисключительная).

В применении открытых лицензий, несмотря на отмеченные выше достоинства, для издательств также есть особенности, которые нельзя рассматривать как однозначно положительные. Назовем наиболее существенные:

1. Издатель теряет финансовую инициативу, соглашаясь на условия договора присоединения, не имея возможности самостоятельно устанавливать цену.

2. Издатель теряет инициативу в установлении существенных условий договора, ему приходится постоянно отслеживать актуальные предлагаемые условия договора присоединения.

3. Отсутствие прямого контакта с автором создает трудности при необходимости внесения изменений, что чрезвычайно актуально при издании и переиздании произведений.

4. Существуют издательские проекты с долгим «сроком жизни», переиздаваемые в течение многих лет. Теоретически может возникнуть ситуация, когда к моменту очередного переиздания договор между автором и стоком закончился и нет возможности его пролонгации (хотя бы в силу отсутствия прямого контакта с автором).

5. Права на стоках передаются по неисключительным лицензиям, что делает их использование невозможным при осуществлении госзакупок изданий, поскольку согласно подпункту 8 п. 1 ст. 31 Федерального закона от 05.04.2013 №44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) к участникам контракта предъявляется требование – «обладание участником закупки исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности».

Несовершенство функционирования конструкции с применением открытых лицензий на стоках привело к возникновению «фототроллей» по аналогии с патентными троллями. Суть злоупотреблений состоит в том, что автор размещает произведение на стоке, затем передает права в доверительное управление. Иллюстрацию покупает заинтересованное лицо, автор после продажи удаляет ее с сервиса и далее в суд от имени автора подается иск о незаконном использовании произведения.

Например, дело о фототроллях рассматривалось в сентябре 2024 г. Агентство по защите прав фотографов «Пейзаж» подало иск к ООО «Родина-Тур», которое разместило на своем сайте изображение Останкинской телебашни. Ответчик утверждал, что нашел картинку в фотостоке Shutterstock, но истец специально удалил из стока фото, а автор (фотограф) изъял информацию об авторстве и удалил водяные знаки с оригинала фотографии.

Арбитражный суд Владимирской области в мае 2025 г. указал, что само по себе обращение с иском не может являться злоупотреблением, фактически заняв сторону агентства. В итоге ООО «Родина-Тур» обязали выплатить агентству компенсацию в размере 20 000 рублей¹. Потенциально от таких случаев не застраховано ни одно издательство.

Заключение

Перечисленные в статье проблемы указывают на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства по использованию стокового контента.

Во-первых, необходимо выработать единый подход к оформлению сделки по приобретению стоковой иллюстрации. Как указывалось, выше, наиболее логичной выглядит модель с применением агентского договора и открытой лицензии.

Во-вторых, возможно и обновление российской правовой доктрины и законодательных подходов к личным неимущественным правам, отражающих реальную практику распространения стоковых иллюстраций и применяемые типы лицензий.

В-третьих, законодательное определение субъекта права в случае с использованием иллюстраций, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта, поможет выработать единый подход в работе с ИИ-иллюстрациями на стоках.

Список источников

1. Витко В.С. Правовая природа договоров о создании произведений науки, литературы и искусства / В.С. Витко. – Москва: Статут, 2019. – 240 с.
2. Козлова В.Н. Правовая природа издательского лицензионного договора / В.Н. Козлова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya->

---

¹ См.: В России бум «юридического экстремизма». В судах тысячи исков из-за фото, внезапно удаленных из фотобанков. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-29_v_rossii_vyroslo_do_8_tysyach?ysclid=mnurw73yxd838971929 (дата обращения: 15.04.2026).

priroda-izdatelskogo-litsenzionnogo-dogovora/viewer (дата обращения: 12.04.2026).

3. Павлова Е.А. Договоры с участием авторов произведений / Е.А. Павлова // Патенты и лицензии. – 2019. – № 12. – С. 16–26.

4. Текеева Л.А. Открытые лицензии в праве интеллектуальной собственности: дисс. ... канд. юрид. наук / Л.А. Текеева. – Ставрополь, 2017. – 172 с.

5. Иваничев И. Какие бывают лицензии на контент / И. Иваничев // Конверт: [электронный журнал]. – 10.06.2025. URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/vidy-licenzij-na-kontent/#anchor-1> (дата обращения: 13.04.2026).

References

1. Vitko V.S. *Pravovaya priroda dogovorov o sozdanii proizvedenij nauki, literatury i iskusstva = The Legal Nature of Agreements on the Creation of Works of Science, Literature, and Art*. Moscow: Statut Publ. 2019. 240 p. (In Russ.)

2. Kozlova V.N. The Legal Nature of a Publishing License Agreement. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-izdatelskogo-litsenzionnogo-dogovora/viewer> (date of accesse: 12.04.2026) (In Russ.).

3. Pavlova E.A. Contracts Involving Authors of Works. *Patenty i licenzii = Patents and Licenses*. 2019. No. 12. P. 16–26 (In Russ.).

4. Tekeyeva L.A. Open Licenses in Intellectual Property Law: cand. sci. (law) diss. PhD of legal sciences. Stavropol, 2017. 172 p. (In Russ.).

5. Ivanichev I. Types of Content Licenses. *Konvert = Envelope* [electronic journal]. June 10, 2025. URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/vidy-licenzij-na-kontent/#anchor-1> (date of accesse: 13.04.2026) (In Russ.).

Статья поступила 06.05.2026, принята к публикации: 08.05.2026.

© Медведева А.В., 2026

Научная статья
УДК 347.41

Зачет обязательственных требований

Владислав Викторович Груздев,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
доктор юридических наук, доцент
gruzvlad@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Аннотация. Статья посвящена исследованию зачета как основания прекращения обязательств. Выделяются разные случаи зачета и приводится характеристика их общих свойств. Доказывается, что всем видам зачета присущи следующие черты: отсутствует исполнение обязательств, однако имущественное предоставление по каждому обязательству считается совершенным в объеме зачтенных требований; объем засчитываемых требований определяется с учетом результатов операции сальдирования. Сделан вывод, что зачет – это погашение в силу закона, иных правовых актов или сделки встречных однородных требований без исполнения соответствующих обязательств с образованием нулевого или ненулевого сальдо.

Ключевые слова: обязательство, право требования, прекращение обязательств зачетом, условия для зачета встречных требований.

Для цитирования: Груздев В.В. Зачет обязательственных требований // IP: теория и практика. – 2026. – № 2.

Original article

Compensation of obligation claims

Vladislav V. Gruzdev,
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Professor of the Department of Civil and Business Law,
Doctor of Law, docent
gruzvlad@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Abstract. The article is devoted to the study of compensation as a basis for the termination of obligations. Different cases of compensation are identified, and their common properties are characterized. It is proved that all types of compensation have the following features: there is no fulfillment of obligations, but the property transfer for each obligation is considered to be completed to the extent of the compensation claims; the amount of compensation claims is determined based on the results of the netting operation. It is concluded that a compensation is the extinguishment, by virtue of law or other legal acts or transactions, of reciprocal claims of the same kind without the fulfillment of the corresponding obligations, resulting in a zero or non-zero balance.

Keywords: obligation; claim; termination of obligations by compensation; conditions for compensation of counterclaims.

For citation: Gruzdev V.V. Compensation of obligation claims // IP: theory and practice. 2026. No. 2.

Введение

Участники оборота нередко вправе требовать от другого исполнения того, что обязаны исполнить со своей стороны. Разумно допустить осуществления подобных встречных требований посредством их зачета. В противном случае наблюдается во многом лишенный практического смысла обмен: лицо приобретает имущество от контрагента, одновременно отчуждая последнему такое же имущество.

Зачет ошибочно относить только к области односторонних волеизъявлений участников оборота. Наряду с заявлением о зачете основаниями прекращения обязательств могут также являться: соглашение (договор) о зачете; оказание клиринговых услуг; правоприменительный акт (постановление судебного пристава-исполнителя); событие, влекущее за собой погашение встречных требований в силу закона или соглашения сторон.

Методы

В процессе исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, абстрагирования, логический, восхождения от абстрактного к конкретному,

аналогия, индукция, дедукция), специально-юридические (формально-юридический, толкования правовых норм, структурно-функциональный) методы.

Основное исследование

Всякий зачет предполагает *сальдирование* – определение остатка (сальдо) взаимных денежных или иных обязательств сторон.

Установление завершающей обязанности (сальдо встречных обязательств) производится с учетом правил проведения зачета встречных требований и предусмотренных законом ограничений для проведения зачета. Согласно сложившейся судебной практике, сальдирование имеет место тогда, когда в рамках одного договора либо нескольких взаимосвязанных договоров определяется обязанность сторон при прекращении договорных отношений полностью (либо их отдельного этапа) (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2024 по делу № А40-29451/2023).

Суть сальдирования заключается в следующем: при сведении двух столбцов по дебету и кредиту с дальнейшим вычитанием меньшей суммы из большей получается остаток, который носит название «сальдо». В связи с этим сальдирование является математической операцией, которая применяется, когда налицо взаимные расчеты, а само сальдо – это цифровое отражение отношений сторон [1].

Субъекты, осуществляющие сальдирование (сторона или стороны встречных обязательств, клиринговая организация, правоприменительный орган или должностное лицо правоприменительного органа), по ходу данной операции могут производить и (или) констатировать зачет встречных требований, результаты которого фиксирует выведенное сальдо (например, может служить подтверждением зачета акт сверки взаимных расчетов, подписанный уполномоченными лицами сторон). В таких случаях

учитываются юридические факты, которые привели к рассматриваемому прекращению обязательств.

Сальдирование наблюдается в разных ситуациях, в том числе при зачете. Без сальдирования зачет невозможен. Вместе с тем сальдирование не является родовым понятием по отношению к зачету, т.к. природа этих явлений различна: сальдирование – это математические действия, которые могут дополняться, но не обязательно дополняются юридическим фактом, прекращающим обязательственные правоотношения. В частности, не сопровождается зачетом сальдирование, имеющее целью определение только действительного объема взаимного имущественного предоставления сторон, в том числе при уменьшении объема имущественного предоставления неисправной стороны (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2023 по делу № А56-108855/2019).

В отличие от зачета, сальдирование не является следствием юридического факта, однако находится не только в области арифметики. Оно всегда имеет правовое значение, поскольку отражает, пусть и в цифровых значениях, состояние обязательственных отношений сторон, а при определенных условиях может служить доказательством прерывающего исковую давность признания долга (ст. 203 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее – ГК РФ).

Чтобы требование одной стороны было зачтено против требования другой стороны, нужно действие, влекущее за собой прекращение обязательств (проведение зачета), либо событие, производящее данный эффект в силу закона (*ipso jure*) или соглашения сторон. С учетом этого выделяются: *ординарный (в том числе судебный) зачет* (зачет вследствие односторонней сделки), *договорный зачет* (зачет вследствие соглашения сторон), *неттинговый зачет* (зачет вследствие деятельности клиринговой организации), *исполнительский зачет* (зачет вследствие правоприменительного акта судебного пристава-исполнителя),

автоматический зачет (зачет вследствие события, предусмотренного законом или соглашением сторон).

Таким образом, зачет – это погашение в силу закона, иных правовых актов или сделки встречных однородных требований без исполнения соответствующих обязательств с образованием нулевого или ненулевого сальдо. Зачет является частным случаем собственно *прекращения обязательств*, а приводящий к зачету юридический факт предстает как одно из *оснований прекращения обязательств*.

При любом виде зачета требования должны быть *встречными* и *однородными*, иначе немислимо сальдирование. Кроме того, они должны быть *созревшими* (за исключением случаев, предусмотренных законом или соглашением сторон). Названными свойствами определяется самая способность к зачету (зачетоспособность) соответствующих юридических возможностей.

Встречность требований обнаруживается легко: каждая из сторон по отношению к другой стороне является одновременно кредитором в одном обязательстве и должником в другом обязательстве. В институте зачета обязательство понимается в узком смысле – в качестве *простой* юридической связи, которая нередко является элементом сложного договорного правоотношения.

По смыслу п. 4 ст. 313 ГК РФ в случаях, когда допускается исполнение обязательства третьим лицом (имеются в виду ситуации возложения должником исполнения на третье лицо и возложения третьим лицом на себя исполнения за должника), третье лицо вправе произвести зачет с соблюдением правил, установленных для должника. В указанных ситуациях встречность требований по-прежнему сохраняется, поскольку третьему лицу предстоит исполнить обязанность должника в правоотношении последнего с кредитором. Вместо исполнения третье лицо предъявляет к зачету требование, а поэтому имущественное предоставление считается совершенным обязанной стороной посредством осуществления данного требования как встречного.

Однородность требований можно трактовать по-разному: как фактическую (однородность предметов обязательств) и как юридическую (однородность природы обязательств). Большинство ученых связывают зачетоспособность требований с фактической однородностью [2], но существует мнение, что для зачета нужна также юридическая однородность [3].

Не секрет, что встречные требования участников, регулируемых цивилистической отраслью отношений зачастую возникают из разных оснований в рамках обязательств, которые имеют далеко не тождественную правовую природу. В таких условиях необходимость установления с целью проведения зачета юридической однородности обязательств значительно сужало бы возможности разумного осуществления встречных требований, во многом нивелируя значение соответствующего правового института для упорядочения имущественного оборота.

Вместе с тем фактическую однородность во избежание недоразумений нельзя упрощать. Это однородность предметов непременно *определенных* обязательств. Определимые обязательства до тех пор, пока не будет обозначен их предмет, т.е. пока они не станут определенными, не способны к зачету. При этом определение предмета обязательства может производиться сторонами (одной из сторон или третьим лицом, в пользу которого заключен договор) специально в целях зачета.

Например, по смыслу п. 2 ст. 308.1 ГК РФ с момента, когда соответствующий субъект (должник, кредитор, третье лицо) осуществил свой выбор, в том числе при переходе к нему права выбора в соответствии с положениями ст. 320 ГК РФ, обязательство перестает быть альтернативным (определимым) и превращается в определенное. Только с указанного момента требование по обязательству оказывается зачетоспособным. Выбор считается сделанным и непосредственно при заявлении лицом о зачете. Аналогичным образом зачесть требование о возмещении деликтного вреда против денежного требования можно при условии, если соглашением сторон или

решением суда в качестве способа возмещения установлено взыскание убытков (ст. 1082 ГК РФ).

Определенность требований не означает их бесспорности. Произведенный зачет подлежит обязательной проверке судом при рассмотрении дела, связанного тем или иным образом с выведением сальдо имущественных притязаний сторон. Такая проверка в достаточной степени гарантирует интересы лица, не согласного с зачетом или его результатами, учитывая, что при зачете нет исполнения обязательств, т.е. имущественные предоставления не выражаются в реальном перемещении экономических благ. Соответственно, любая из сторон вправе доказывать, что ее требование не изменилось или погашено в меньшей сумме.

Так, размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности (п. 5 ст. 393 ГК РФ). Однако ничто не мешает потерпевшему назначить сумму убытков произвольно и заявить о зачете соответствующего требования против денежного требования нарушителя. В данной ситуации нарушитель может предъявить свое требование в суд, не соглашаясь с результатами проведенного потерпевшим зачета, либо возражать относительно иска потерпевшего о взыскании убытков, превышающих зачтенную сумму. Окончательную точку поставит суд, который установит размер убытков и в целях правильного разрешения дела определит действительное сальдо встречных притязаний сторон. Лишь списание потерпевшим на основании п. 2 ст. 847 ГК РФ с банковского счета нарушителя суммы, образовавшейся вследствие зачета, делает необходимым обращение с иском о возврате неосновательного обогащения (излишне списанной суммы).

В свете изложенных соображений нельзя признать правильным утверждение, что зачет в форме вычета понесенных убытков возможен только при согласовании сторонами их наличия и размера или при присуждении убытков судом [4].

Вместе с тем лицо, которое произвело зачет активного требования против спорного пассивного требования, не вправе ссылаться на ошибочность своих действий, кроме случаев, когда заявление о зачете носило недобровольный характер. Например, как указано в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6, не является препятствием для зачета истечение срока исковой давности по пассивному требованию.

Таким образом, зачет предполагает предметную однородность требований, в том числе их определенность (но не бесспорность).

Однородность обязательств нельзя путать со сроком *созревания* притязаний сторон (созревшими в целях зачета являются требования, срок которых наступил либо срок которых не указан или определен моментом востребования). В частности, неверно считать, что у незрелого требования отсутствует признак однородности в отношении требования с наступившим сроком исполнения [5]. Требование, срок которого не наступил, в отличие от неоднородного требования, является зачетоспособным.

Во-первых, незрелое требование может приводить к зачету по соглашению сторон, в соответствии с правилами клиринга или *ipso jure*.

Во-вторых, ординарный зачет незрелого активного требования допускается в случаях, предусмотренных законом. Незрелое пассивное требование способно к зачету, если соответствующее обязательство в силу закона или договора может быть исполнено досрочно (абз. 2 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6). Встречные обязательства, не связанные с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, надлежит признавать прекращенными также в ситуации, когда обладатель зрелого или незрелого пассивного требования в разумный срок не представит возражений относительно зачета, заявленного обладателем незрелого активного требования (данный вывод следует из презумпции согласия обычных участников оборота на досрочное осуществление своих прав и досрочное освобождение от своих обязанностей). В иных случаях незрелые требования могут предъявляться к так

называемому предзачету, прекращаясь в момент наступления условий для зачета.

Известные трудности наблюдаются при определении момента прекращения требований, зачет которых производится спустя некоторое время после их созревания.

Применительно к ординарному зачету указанная проблема решается с использованием одной из двух концепций: *ретроспективной*, в силу которой обязательства считаются прекращенными в момент наступления установленных законом условий для зачета (независимо от того, когда было сделано или получено заявление о зачете) [6], и *перспективной*, приурочивающей прекращение обязательств к моменту получения заявления стороны о зачете другой стороной (при наличии условий для зачета) [7].

Зачет есть прекращение встречных обязательств без их исполнения (реального перемещения между сторонами экономических благ). С момента наступления условий для зачета у должника возникает секундарное правомочие зачесть против требования кредитора свое требование к нему в другом обязательстве (при этом должником и кредитором выступает каждая из сторон). Указанное правомочие позволяет не исполнять обязательство до его прекращения зачетом или до истечения срока исковой давности по активному требованию. Не случайно сторона, срок исполнения обязательства которой наступил ранее, находится в просрочке и несет соответствующую ответственность только до момента, когда обязательства стали способны к зачету, независимо от процедуры (внесудебной, судебной) проведения ординарного зачета (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 по делу № А56-125654/2018).

В подобных ситуациях, принимая во внимание презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумность их действий (п. 5 ст. 10 ГК РФ), необходимо исходить из того, что должник, не исполняющий обязательство, осуществляет правомочие на зачет.

Соответственно, признание должника просрочившим означало бы лишение его возможности возражать относительно исполнения со ссылкой на наличие условий для зачета, что негативно сказывается на балансе имущественных интересов участников гражданского оборота. Во избежание очевидных недоразумений прекращение обязательств логично привязывать к моменту возникновения у должника возможности зачета, которая, как правило, реализуется в два этапа: сперва требование кредитора просто не исполняется (*пассивная фаза*), а затем следует собственно заявление о зачете (*активная фаза*).

Как видно, ретроактивность рассматриваемой односторонней сделки необходима постольку, поскольку после наступления условий для зачета компенсант не исполняет обязательство перед компенсатом, осуществляя правомочие на зачет. Напротив, лицо, добровольно исполнившее обязательство или уплатившее суммы имущественных санкций за просрочку обязательства и лишь после этого заявившее о зачете, не вправе требовать предоставленное обратно, т.к. соответствующие обязанности прекратились не зачетом, а исполнением. В результате исключается ревизия правоотношений сторон, сложившихся к моменту проведения ординарного (в том числе судебного) зачета.

Принципиально иная картина наблюдается при исполнительском зачете. Судебный пристав-исполнитель своим постановлением производит зачет, но при этом не является участником обязательств, подтвержденных исполнительными документами. В данном случае совершенно неуместны соображения, которые оправдывают обратную силу ординарного зачета. Поэтому волеизъявление данного должностного лица, выраженное в правоприменительном акте, не может иметь ретроактивного действия, на что справедливо обращается внимание в юридической литературе [8]. Исполнительский зачет всегда приурочен к моменту утверждения старшим судебным приставом (его заместителем) постановления судебного пристава-исполнителя о зачете встречных однородных требований, подтвержденных

исполнительными документами о взыскании денежных средств, на основании которых возбуждены исполнительные производства.

Несколько проще определить момент прекращения встречных требований в других случаях зачета.

При договорном зачете обязательства прекращаются после достижения сторонами соглашения о таком зачете. Вместе с тем контрагенты на основании диспозитивной свободы и при соблюдении универсального императива могут обозначить более ранний или поздний момент погашения засчитываемых требований.

Момент неттингового зачета определяется правилами клиринга.

Наконец, автоматический зачет считается состоявшимся в момент наступления необходимого для зачета события, если только положения соответствующего закона или соглашения сторон не предусматривают иное.

Ст. 411 ГК РФ и нормами иных законодательных актов предусмотрены случаи *недопустимости* ординарного зачета некоторых требований в качестве активных. Указанные запреты не распространяются на лиц, в интересах которых установлены, т.к. в силу диспозитивности цивилистической отрасли гражданские права осуществляются частной автономией их обладателей. Однако по соглашению сторон возможно ограничение зачетоспособности не только активных, но и пассивных требований.

Заключение

Зачет оптимизирует оборот и позволяет сокращать транзакционные издержки участников: при наличии встречных однородных требований неразумным было бы исполнять в пользу лица, от которого ожидается «зеркальное» исполнение. Поэтому не совершаются действия, предусмотренные засчитываемыми обязательствами, т.е. никакого исполнения, в том числе суррогатного, нет. Однако в сравнении с отказом от исполнения обязательства при зачете наблюдается имущественное предоставление: каждая из сторон приобретает экономическое благо

посредством сбережения того, что должна была передать другой стороне. Иными словами, сторона без исполнения обязательства считается одновременно совершившей имущественное предоставление (по своему долгу) и получившей имущественное предоставление (по своему праву требования). Указанными соображениями объясняется разнообразие случаев зачета, которые должны подвергаться системному научному исследованию с целью совершенствования всех видов юридической практики в данной области.

Список источников

1. Костко В.С. Проблема сальдо в гражданском праве Российской Федерации / В.С. Костко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 2. – С. 102–141.
2. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений / Д.Н. Кархалев. – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – 892 с.
3. Хаскельберг Б.Л. Индивидуальное и родовое в гражданском праве / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный. – Москва: Статут, 2004. – 234 с.
4. Гаврилов В.Н. Понуждение покупателя к принятию товара в гражданском праве России и ряда зарубежных стран / В.Н. Гаврилов, А.С. Орищенко, К.О. Спицин // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 2. – С. 106–117.
5. Витрянский В.В. Общие положения об обязательствах / Кодификация российского частного права / В.В. Витрянский; под ред. Д.А. Медведева. – Москва: Статут, 2019. – 492 с.
6. Бисултанов Я.Х.-М. Ретроактивность правового эффекта зачета в Германии и России: происхождение, обоснование и актуальность / Я.Х.-М. Бисултанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 8. – С. 74–112.
7. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2022. – 1496 с.
8. Бисултанов Я. Институт зачета встречных требований по инициативе пристава-исполнителя. Есть ли перспектива? / Я. Бисултанов // Журнал РШЧП. – 2019. – № 3. – С. 161–167.

References

1. Kostko V.S. The Problem of the Balance in the Civil Law of the Russian Federation. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 2. P. 102–141 (In Russ.)
2. Karkhalev D.N. The Mechanism of Civil Law Regulation of Protective Relations. Moscow: Infotropic Media Publ. 2022. 892 p. (in Russ.)
3. Haskeelberg B.L., Rovny V.V. Individual and generic in civil law. Moscow: Statut Publ. 2004. 234 p. (in Russ.)
4. Gavrilov V.N., Orishchenko A.S., Spitsin K.O. Obligation of the buyer to accept the goods in the civil law of Russia and a number of foreign countries. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2023. No. 2. P. 106–117 (in Russ.)
5. Vitryansky V.V. General Provisions on Obligations / Codification of Russian Private Law 2019 / Ed. by D.A. Medvedev. Moscow: Statut Publ. 2019. 492 p. (in Russ.)
6. Bisultanov Ya.Kh.-M. Retroactivity of the Legal Effect of Set-Off in Germany and Russia: Origin, justification, and relevance. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 8. P. 74–112. (in Russ.)
7. Performance and Termination of Obligations: Commentary on Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation / Edited by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos Publ. 2022. 1496 p. (in Russ.)
8. Bisultanov Ya. The Institute of Setoff of Counterclaims at the Initiative of the Bailiff. Is There a Prospect? *Zhurnal RSHCHP = RSHPL Journal*. 2019. No. 3. P. 161–167 (in Russ.).

Статья поступила 12.05.2026, принята к публикации 01.06.2026.

© Груздев В.В., 2026

Научная статья
УДК 347

**Договоры коммерческой концессии в России и предпринимательской
лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь:
отдельные вопросы теории**

Наталья Юрьевна Сергеева,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

Кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры Гражданского и предпринимательского права

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ отдельных особенностей предметов договоров коммерческой концессии в гражданском законодательстве Российской Федерации и договора предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь в контексте предоставления прав на интеллектуальную собственность. Автор приходит к выводу о принципиальной разнице между видами интеллектуальной собственности, права на которые предоставляются в обязательном порядке по названным сделкам, и считает, что предоставление права на товарный знак значительно более отвечает их смыслу, указывает на необходимость гармонизации законодательства путем принятия международного акта.

Ключевые слова: коммерческая концессия, франчайзинг, предмет договора, распоряжение исключительным правом, товарный знак, фирменное наименование.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Франчайзинг: эффективные модели и перспективы развития в Российской Федерации» (З-ГЗ-2024-2).

Для цитирования: Сергеева Н.Ю. Договоры коммерческой концессии в России и предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь: отдельные вопросы теории // IP: теория и практика. – 2026. – № 2.

Original article

Commercial Concession Agreements in Russia and Entrepreneurial Licenses (Franchising) in the Republic of Belarus: Selected Theoretical Issues

Natalia Yu. Sergeeva,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

PhD in Law, Associate Professor,

Associate Professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of certain features of the subjects of commercial concession agreements in the civil legislation of the Russian Federation and business license (franchising) agreements in the Republic of Belarus in the context of granting intellectual property rights. The author comes to the conclusion about the fundamental difference between the types of intellectual property, the rights to which are mandatory for these transactions, believes that the granting of trademark rights is much more consistent with their meaning, indicates the need to harmonize legislation through the adoption of an international act.

Keywords: commercial concession, franchising, subject of the contract, exclusive right, trademark, and brand name.

Financing: The study was carried out within the framework of the research project "Franchising: effective models and development prospects in the Russian Federation" (3-GZ-2024-2).

For citation: Sergeeva N.Yu. Commercial Concession Agreements in Russia and Entrepreneurial Licenses (Franchising) in the Republic of Belarus: Selected Theoretical Issues // IP: Theory and practice. 2026. No. 2.

Введение

Как известно, договор коммерческой концессии, нашедший свое отражение в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (ст.ст.1027–1040; далее – ГК РФ) является нетрадиционным для российского права. В доктрине отмечается, что «истoki этого вида договора лежат в распространенном в Северной Америке – а в настоящее время в большинстве развитых стран – способе ведения предпринимательской деятельности, именуемом franchising» [1].

Что такое франчайзинг? ВОИС определяет его как систему, «при которой хозяйствующий субъект (владелец франшизы), разработавший определенный способ ведения бизнеса, расширяет этот бизнес путем предоставления другим реальным или потенциальным предпринимателям (пользователям франшизы) право использовать проверенную модель бизнеса владельца франшизы в другом месте в течение определенного периода времени в обмен на оплату первоначального и текущих взносов. Наряду с правом на использование бизнес-модели владелец франшизы позволяет пользователю использовать интеллектуальную собственность и ноу-хау владельца франшизы, а также обеспечивает первоначальное и текущее обучение и поддержку. По сути, успешный бизнес воссоздается и управляется пользователем франшизы под надзором, контролем и помощью владельца франшизы» [2].

Между тем, несмотря на единство экономической природы франчайзинга, в законодательствах отдельных государств указанные правоотношения получают юридическое оформление путем договорных конструкций, имеющих не только разные названия, но и существенные условия. При этом возникают закономерные вопросы относительно того, имеют ли такие договоры сходства и отличия, и если имеют, то в чем может состоять принципиальная разница между ними?

В рамках настоящей статьи мы сравним отдельные положения ГК РФ о договоре коммерческой концессии и положения Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) о договоре комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в контексте их предметов, а именно в части предоставления по ним прав на интеллектуальную собственность.

Методы

Для сопоставления подходов российского и белорусского законодательства к предмету рассматриваемых договоров использован сравнительно-правовой метод.

Основная часть

Договор коммерческой концессии в законодательстве Российской Федерации. Рассмотрение положений ГК РФ о договоре коммерческой концессии следует начать с того, что данный договорный тип получил закрепление в главе 54 ГК РФ, именуемой «Коммерческая концессия», в содержании которой имеются четырнадцать статей. При этом отметим, что не только в настоящее время, но и ранее, данная договорная конструкция вызывала дискуссии, в связи с чем неоднократно становилась предметом диссертационных исследований [3].

По смыслу ст. 1027 ГК РФ под договором коммерческой концессии понимается соглашение, по которому одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). При этом, следуя правилам п. 2 ст. 1027 ГК РФ, данный договор предусматривает возможность использования не только комплекса исключительных прав, но и деловой репутации, а также коммерческого опыта правообладателя с указанием определенного объема (в частности, с установлением минимального и (или) максимального объема использования), с указанием или без указания территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности (продаже товаров, полученных от правообладателя или произведенных пользователем, осуществлению иной торговой деятельности, выполнению работ, оказанию услуг). Отметим также, что такое использование возможно только за вознаграждение (ст. 1030 ГК РФ).

Таким образом, если коротко охарактеризовать рассматриваемую сделку, то можно увидеть, что договор коммерческой концессии является консенсуальным, возмездным и взаимным.

Представляется важным отметить, что в отношении сторон (правообладателя и пользователя) предусмотрен специальный субъектный состав: ими являются предприниматели (коммерческие организации и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (п. 2 ст. 1027 ГК РФ)). Форма указанной сделки, согласно ст. 1028 ГК РФ, является письменной (под страхом недействительности), а переход исключительных прав по ней подлежит государственной регистрации в Роспатенте. В случае несоблюдения данного требования предоставление права использования комплекса исключительных прав по договору считается несостоявшимся (п. 2 ст. 1028 ГК РФ).

Исходя из совокупного смысла приведенных положений главы 54 ГК РФ, одним из существенных условий названного договора является его предмет, что, безусловно, согласуется с п. 1 ст. 432 ГК РФ. При этом наиболее значимые его особенности связаны, прежде всего, с комплексом передаваемых по такому договору исключительных прав. Так, в частности, в указанный комплекс должно в обязательном порядке входить право на использование товарного знака (знака обслуживания). Как указывается в этой связи в п. 3.4.1. Рекомендаций по вопросам проверки договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, утвержденных приказом Роспатента от 29.12.2009 № 186, «в соответствии с действующим законодательством договор, по которому предоставляется право на использование только коммерческого обозначения и секрета производства (ноу-хау) и не предоставляется право на использование товарного знака, не может рассматриваться как договор коммерческой концессии».

Сделанный вывод подтверждает и правоприменительная практика. Так, например, в постановлении Первого арбитражного апелляционного суда г.

Владимира от 30.09.2024 (дело № А38-5075/2023) содержится такая формулировка: «Договор коммерческой концессии предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объеме (в частности, с установлением минимального и (или) максимального объема использования), с указанием или без указания территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности (продаже товаров, полученных от правообладателя или произведенных пользователем, осуществлению иной торговой деятельности, выполнению работ, оказанию услуг) (п. 2 ст. 1027 ГК РФ). По смыслу указанной нормы обязательным условием договора коммерческой концессии является передача в составе комплекса исключительных прав права на товарный знак или знак обслуживания»¹. Похожие рассуждения имеются и в более ранних решениях². Следует при этом отметить, что предоставление права использования только лишь товарного знака в договоре коммерческой концессии также может являться проблемой, потому как в этом случае названный договор может быть квалифицирован судом как лицензионный.

Помимо этого, следует также учитывать наличие некоторых особенностей, связанных с распоряжением исключительными правами на отдельные виды интеллектуальной собственности, исключающие возможность предоставления прав по рассматриваемому договору в принципе. Так, например, в ГК РФ заблокировано правомочие распоряжения исключительным правом на фирменное наименование (п. 2 ст. 1474 ГК РФ), наименование места происхождения товара и географическое указание (п. 6 ст. 1519 ГК РФ). Ограничен оборот прав на коммерческие обозначения (п. 4 ст. 1539 ГК РФ). В чем заключается логика законодателя?

---

¹ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LKPcvloUtMmJ/?ysclid=mn5tr9queg387570836> (дата обращения: 01.01.2026).

² См., например: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.01.2020 № С01-1412/2019 по делу № А65-6443/2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.02.2023 № С01-2534/2022 по делу № А65-3063/2022 и др.

Рассмотрим ответ на поставленный вопрос на примере фирменных наименований, поскольку вопрос условности исключительного права на данный объект достаточно давно является предметом научных дискуссий. Так, по мнению В.И. Еременко, «говорить об исключительном праве на фирменное наименование, которое в российском варианте лишено одного из своих основных элементов – права распоряжения, можно лишь условно. В основе указанного решения законодателя лежит... широко распространенный в советской, а затем в российской, правовой литературе тезис о том, что право на фирменное наименование – это личное неимущественное право» [4]. Данную позицию поддерживает Ю.Т. Гульбин, которому такой запрет представляется справедливым и обоснованным. Он отмечает возможную аналогию с личными правами гражданина, также неотчуждаемыми [5]. Однако, по мнению Э.П. Гаврилова, «...даже будучи лишенным права на распоряжение, право на использование фирменного наименования остается исключительным» [6].

На наш взгляд, исключительное право на фирменное наименование имеет указанную специфику, поскольку оно индивидуализирует юридическое лицо, а не бизнес. Его правовая охрана затрагивает не только частный, но и публичный интерес: потребитель не должен вводиться в заблуждение относительно средств распоряжения правами на такие объекты. Учитывая же наличие у правообладателя иных правомочий, данное право дает ему неоспоримые преимущества в гражданском обороте и без возможности распоряжения правами, прежде всего, благодаря правовым механизмам его защиты.

Подводя промежуточный итог сказанному, можно сделать следующий вывод. Рассмотрение договора коммерческой концессии по законодательству Российской Федерации в контексте распоряжения правами на интеллектуальную собственность показало, что в комплекс исключительных прав, предоставляемых по данной сделке, императивно включено право на использование товарного знака (знака обслуживания). В то же время

предоставление только лишь указанного права будет основанием для квалификации данного договора лицензионным. При этом важной особенностью является то, что права на фирменное наименование, НМПТ и географическое указание не могут входить в указанный предмет. Ограничено в гражданском обороте также право на коммерческое обозначение (право может перейти по договору только в составе предприятия).

Договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь. Рассмотрение положений Гражданского кодекса Республики Беларусь о договоре комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) следует начать с того, что данный договорный тип получил закрепление в главе 53 ГК РБ, именуемой «Комплексная предпринимательская лицензия (франчайзинг)», в содержании которой имеются двенадцать статей. По мнению отдельных специалистов, данный договор, «...с точки зрения набора лицензионных прав является самым молодым и сложным правовым институтом в Республике Беларусь среди всего перечня договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности» [7].

По смыслу п. 1 ст. 910 ГК РБ по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) (далее – договор франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальных прав, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя. При этом, исходя из п. 2 названной нормы договор франчайзинга предусматривает использование лицензионного комплекса в определенном объеме (с установлением минимального и (или) максимального объема использования) с указанием или без указания территории его использования применительно к определенным

видам предпринимательской деятельности. Что касается цены договора, то, как следует из п. 4 ст. 910 ГК РБ, вознаграждение может выплачиваться пользователем правообладателю в форме фиксированных разовых или периодических платежей, отчислений от выручки или в иной форме, предусмотренной договором франчайзинга.

Если коротко охарактеризовать данную сделку, то можно увидеть, что она является консенсуальной, возмездной и взаимной. Вместе с тем следует отметить специфику отношений сторон названного договора (правообладателя и пользователя): так, согласно п. 3 ст. 910 ГК РБ ими могут быть коммерческие организации, тогда как граждане, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность, могут заключать договор франчайзинга только в качестве пользователей, а также быть стороной в договоре комплексной предпринимательской сублицензии (ст. 910.2 ГК РБ).

Форма указанной сделки, согласно ст. 910.1 ГК РБ, является письменной. Правового последствия в виде недействительности сделки в случае несоблюдения указанной формы Кодекс не предусматривает. При этом, исходя из положений п. 2 ст. 910.1 ГК РБ, договор франчайзинга, равно как и вносимые в него изменения, подлежит государственной регистрации в патентном органе в порядке, установленном законодательством. При этом последствий в виде несостоявшегося перехода прав в случае несоблюдения данного требования в ГК РБ не имеется.

Как уже было отмечено ранее, одним из существенных условий названного договора является его предмет. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим его отдельные особенности несколько подробнее.

Так, в отличие от договора коммерческой концессии, по которому в числе необходимых требований значится предоставление права на использование зарегистрированного товарного знака (знака обслуживания), наряду с деловой репутацией и коммерческим опытом правообладателя, рассматриваемый договор франчайзинга предполагает обязательным условием предоставление права на использование фирменного наименования

правообладателя и нераскрытой информации. При этом возможный перечень иных объектов, которые также могут составлять предмет данного договора, сформулирован как неисчерпывающий. Таким образом, средства индивидуализации, права на которые представляются по названным сделкам в обязательном порядке – разные.

Интересно в этой связи отметить, что ст. 1016 ГК РБ, запрещая отчуждение исключительного права на фирменное наименование, допускает при этом возможность предоставления права использования фирменного наименования другому лицу именно на основании договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга). При этом, как и в России, в Республике Беларусь фирменным наименованием является наименование коммерческой организации, под которым она участвует в гражданском обороте (ст. 1013 ГК КБ).

Данное решение в гражданском законодательстве Республики Беларусь представляется спорным.

Действительно, с одной стороны, получив оборотоспособность, право на фирменное наименование оправдывает отнесение данного объекта к интеллектуальной собственности, разграничивая его с неимущественным благом – наименованием юридического лица. Однако с другой, такая законодательная возможность максимально размывает индивидуализирующую функцию самого фирменного наименования. При этом остается неучтенным публичный интерес: потребитель будет вводиться в заблуждение при наличии множественности предпринимателей на рынке, осуществляющих бизнес под одним и тем же фирменным наименованием. Представляется, что в данном контексте для потребителя наиболее значимым средством индивидуализации является все же товарный знак (знак обслуживания), занимающий сегодня лидирующую позицию среди средств индивидуализации. В этой связи следует поддержать мнение отдельных специалистов о том, что: «включение в лицензионный комплекс правообладателя в качестве альтернативы фирменному наименованию

товарного знака (знака обслуживания) будет способствовать развитию института франчайзинга в Республике Беларусь». [8]

Заключение

Рассмотрение отдельных теоретических вопросов, связанных с особенностями предметов договоров коммерческой концессии в России и комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь показало принципиальную разницу между средствами индивидуализации, права на которые предоставляются по ним в обязательном порядке. Так, в Российской Федерации таким объектом является товарный знак (знак обслуживания), тогда как в Республике Беларусь – фирменное наименование. Думается, что предоставление права на товарный знак значительно более отвечает смыслу рассматриваемых сделок, т.к. данный вид интеллектуальной собственности индивидуализирует товары (услуги), акцентируя внимание потребителя на их качестве и репутации производителя, что, безусловно, способствует успешности в продвижении бизнеса, являющемся основной целью франчайзинга. Вместе с тем наличие указанной принципиальной разницы в предметах рассмотренных договоров связано, прежде всего, с тем, что унифицированный подход к законодательному урегулированию франчайзинговых правоотношений в праве различных государств в настоящее время отсутствует, что свидетельствует о необходимости гармонизировать названную сферу правоотношений в едином акте международного законодательства.

Список источников

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / под ред. С.А. Степанова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2022. – С. 969.

В хорошей компании: Вопросы интеллектуальной собственности в франчайзинге. Серия «Интеллектуальная собственность для бизнеса». Публикация ВОИС № 1035R. С. 12. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-1035-ru-in-good-company->

managing-intellectual-property-issues-in-franchising.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

2. Бобков С.А. Правовое регулирование коммерческой концессии в Российской Федерации / С.А. Бобков: дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004.

3. Гаврилов Э.П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко. – Москва: Экзамен, 2009. – С. 801 (автор текста – В.И. Еременко).

4. Гульбин Ю.Т. Исключительное право на фирменное наименование и наименование некоммерческой организации / Ю.Т. Гульбин // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2018. – № 12. – С. 52.

5. Гаврилов Э.П. Право промышленной собственности. Промышленные права. XXI век / Э.П. Гаврилов. – Москва: Юрсервитум, 2016. – С. 542.

6. Жибуль О. Договор комплексной предпринимательской лицензии – франчайзинга // Наука и инновации. 2018. – № 2 (180). – С. 50. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/dogovor-kompleksnoy-predprinimatelskoy-litsenzii-franchayzinga.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).

7. Бессарабова В.В. Особенности предмета договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) / В.В. Бессарабова, Д.В. Андриевский; Правовое обеспечение национальной экономической безопасности: теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества и правореализации: Сборник научных статей международного круглого стола. – Минск, 2025. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_87336280_74622628.pdf (дата обращения 27.04.2026).

References

1. Stepanov S.A. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (uchebno-prakticheskiy) = Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (educational and practical) / ed. by S.A. Stepanov. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt Publ.; Yekaterinburg: Institute of Private Law Publ., 2022. 969 p. (In Russ.)

2. In a Good Company: Intellectual Property Issues in Franchising. Series “Intellectual Property for Business”. WIPO Publication No. 1035R. P. 12. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-1035-ru-in-good-company-managing-intellectual-property-issues-in-franchising.pdf> (date of access: 27.04.2026) (In Russ.)

3. Bobkov S.A. Pravovoe regulirovanie kommercheskoy kontsessii v Rossiyskoy Federatsii = Legal Regulation of Commercial Concession in the Russian Federation: cand. sci. (law) diss. Moscow, 2004. (In Russ.)

4. Gavrilov E.P., Eremenko V.I. Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) = Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article). Moscow: Ekzamen Publ., 2009. P. 801 (text author: V.I. Eremenko) (In Russ.)

5. Gul'bin Yu.T. Exclusive Right to a Trade Name and the Name of a Non-Profit Organization. Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava = Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2018. No. 12. P. 52 (In Russ.)

6. Gavrilov E.P. Pravo promyshlennoy sobstvennosti. Promyshlennyye prava. XXI vek = Industrial Property Law. Industrial Rights. XXI Century. Moscow: Yurservitum Publ., 2016. P. 542 (In Russ.)

7. Zhibul' O. Comprehensive Business License Agreement – Franchising. Nauka i innovatsii = Science and Innovations. 2018. No. 2 (180). P. 50. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/dogovor-kompleksnoy-predprinimatelskoy-litsenzii-franchayzinga.pdf> (date of access: 27.04.2026) (In Russ.)

8. Bessarabova V.V., Andrievskiy D.V. Features of the Subject Matter of a Comprehensive Business License (Franchising) Agreement. In: Pravovoe obespechenie natsional'noy ekonomicheskoy bezopasnosti: teoreticheskie i prakticheskie problemy sovershenstvovaniya pravotvorchestva i pravorealizatsii = Legal Support of National Economic Security: Theoretical and Practical Problems of Improving Law-Making and Law Enforcement: collection of scientific papers of the international round table. Minsk, 2025. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_87336280_74622628.pdf (date of access: 27.04.2026) (In Russ.)

Статья поступила 29.04.2026, принята к публикации: 26.05.2026.

© Сергеева Н.Ю., 2026

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 347.77

Изменения и дополнения в Патентную инструкцию к Евразийской патентной конвенции

Владимир Евгеньевич Китайский,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

Кандидат технических наук, профессор

kve41@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7740-2882>

Аннотация. С 1 февраля 2026 г. вступили в силу изменения и дополнения в Патентную инструкцию (далее – Инструкция) к Евразийской патентной конвенции, которые были утверждены Административным советом Евразийской патентной организации на сорок седьмом (тридцать втором очередном) заседании 14–15 октября 2025 г.¹ Эти изменения затрагивают правовую охрану изобретений и промышленных образцов.

Ключевые слова: Патентная инструкция, Евразийская патентная конвенция, Евразийское патентное ведомство, патентные права, промышленные образцы, нормативные документы.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Разработка кодекса промышленной собственности и нетипичных объектов интеллектуальных прав для государств-партнеров, членов Евразийской патентной организации» (10-ГЗ-2025).

Для цитирования: Китайский В.Е. Внесение изменений и дополнений в Патентную инструкцию к Евразийской патентной конвенции // IP: теория и практика. – 2026. – № 2 (14).

Original article

Amendments and additions to the Patent Regulations under the Eurasian Patent Convention

Vladimir E. Kitaysky,

---

¹ С 1 февраля вступают в силу изменения в Патентную инструкцию к Евразийской патентной конвенции.
URL: <https://www.eapo.org/eapv-news/s-1-fevralya-vstupayut-v-silu-izmeneniya-v-patentnuyu-instrukciyu-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii/> (дата обращения: 25.04.2026).

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
PhD in Engineering, Professor
kve41@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7740-2882>

Abstract. Amendments and additions to the Patent Regulations (hereinafter referred to as the Regulations) to the Eurasian Patent Convention, approved by the Administrative Council of the Eurasian Patent Organization at its forty-seventh (thirty-second regular) meeting on October 14–15, 2025, will enter into force on February 1, 2026. These amendments affect the legal protection of inventions and industrial designs.

Keywords: Patent Regulations, Eurasian Patent Convention, Eurasian Patent Office, patent rights, industrial designs, regulatory documents.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project "Development of an Industrial Property Code and Atypical Objects of Intellectual Property Rights for Partner States, Members of the Eurasian Patent Organization" (10-Г3-2025).

For citation: Kitaiskiy V.E. Amendments and additions to the Patent Regulations under the Eurasian Patent Convention // IP: theory and practice. 2026. No. 2.

Введение

За тридцать лет существования Евразийской патентной организации (далее – ЕАПО) Административным советом ЕАПО в Патентную инструкцию к Евразийской патентной конвенции [1; 2] (далее – Патентная инструкция) на сорока семи (тридцати двух очередных) заседаниях было внесено и утверждено множество изменений и дополнений, что значительно усложняет деятельность заявителей при составлении и оформлении заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения и на промышленные образцы [3].

Для облегчения деятельности заявителей автор настоящей статьи считает актуальным и необходимым обобщить последние изменения и дополнения в конкретных правилах Патентной инструкции.

Методы

В процессе исследования были использованы юридико-догматический метод, методы анализа и синтеза материала.

Основное исследование

Часть I. Изобретения [4]. Нововведения в Патентную инструкцию начинаются с Правила 2 (Толкование основных понятий), которое дополняется понятием «Правила составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения, утверждаемые Президентом Евразийского ведомства».

Правило 3 (Условия патентоспособности изобретения) содержит пункт (2): «Не признается обстоятельством, препятствующим признанию патентоспособности изобретения, такое раскрытие информации, относящейся к изобретению, изобретателем, заявителем или любым лицом, получившим от них прямо или косвенно эту информацию, при котором сведения о сущности изобретения стали общедоступными не ранее чем за шесть месяцев до даты подачи евразийской заявки или до даты приоритета, если он испрашен. При этом обязанность доказывания обстоятельств раскрытия информации лежит на заявителе», к которому добавлен еще абзац: «Положения настоящего пункта не применяются в отношении публикации патентных документов»².

В пункте (4) того же Правила 3 указаны РИД, на которые не выдаются патенты:

- «– способы клонирования человека и его клон;
- способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека;
- использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях».

---

² Здесь и далее автором выделены внесенные дополнения.

В Правило 3 добавлен пункт (5): «Детали, касающиеся принципов определения патентоспособности изобретения, устанавливаются в Правилах».

В Правило 11 (Раскрытие изобретения) добавлен пункт (3): «Детали, касающиеся норм, установленных в пунктах (1) и (2) настоящего правила, предусматриваются в Правилах».

В пункт (5) Правила 16 (Исключительное право на запатентованное изобретение и продление срока действия евразийского патента) внесены изменения:

«Срок действия евразийского патента, указанный в статье 11 Конвенции, может быть продлен в отношении того Договаривающегося государства, законодательство которого предусматривает продление срока действия национального патента на изобретение. При этом продление срока действия евразийского патента в отношении такого Договаривающегося государства осуществляется Евразийским ведомством согласно следующим условиям:

а) евразийский патент охраняет изобретение, в отношении которого на территории Договаривающегося государства предусмотрено продление срока действия национального патента на изобретение;

б) евразийский патент относится к продукту, на применение которого на территории Договаривающегося государства выдано разрешение в установленном законом порядке;

в) разрешение, указанное в подпункте б) настоящего пункта, является первым разрешением для использования продукта на территории Договаривающегося государства;

г) срок, на который осуществляется продление срока действия евразийского патента на территории Договаривающегося государства, соответствует сроку, на который может быть продлен срок действия национального патента на изобретение в этом Договаривающемся государстве;

д) срок подачи в Евразийское ведомство заявления о продлении срока действия евразийского патента в отношении Договаривающегося государства

соответствует сроку для подачи заявления о продлении срока действия национального патента в этом Договариваемом государстве».

В случае продления срока действие евразийского патента распространяется на изобретение, относящееся к охраняемому им продукту, на применение которого получено разрешение уполномоченного органа соответствующего Договариваемого государства, и на указанное в разрешении применение этого продукта.

В Правило 21.1 (Общие требования к евразийской заявке) добавлен пункт (9): «Детали, касающиеся требований к формуле изобретения, описанию изобретения, чертежам и иным материалам евразийской заявки, устанавливаются в Правилах».

В абзац первый пункта (2) Правила 37 (Сроки, предоставляемые Евразийским ведомством) введено дополнение «но не более чем на двадцать четыре месяца каждый».

В пункт (2) Правила 37 введено разъяснение «Сроки, предоставляемые Евразийским ведомством для совершения процедурных действий в соответствии с правилом 37(1) и не истекшие к 1 февраля 2026 г., могут быть продлены согласно правилу 37(2) на срок, не превышающий двадцати четырех месяцев каждый. При этом если соответствующий срок по состоянию на 1 февраля 2026 г. был продлен на срок, превышающий двадцать четыре месяца, и не истек к 1 февраля 2026 г., такой срок истекает в последний день срока его продления».

Правило 41 (Формальная экспертиза евразийской заявки) дополнено пунктом (6) «Порядок проведения формальной экспертизы евразийской заявки устанавливается Президентом Евразийского ведомства».

Правило 42 (Патентный поиск) дополнено пунктами (6) и (7):

«(6) Евразийское ведомство вправе запросить у заявителя сведения о патентных поисках, проведенных международными поисковыми органами либо национальными ведомствами в отношении заявок, относящихся к тому же патентному семейству, что и евразийская заявка».

«(7) Порядок проведения патентного поиска устанавливается Президентом Евразийского ведомства».

Правило 47 (Экспертиза евразийской заявки по существу) дополнено пунктом (5) «Порядок проведения экспертизы евразийской заявки по существу устанавливается Президентом Евразийского ведомства».

Абзац пятый пункта (3) Правила 49 (Права заявителя в рамках процедуры получения евразийского патента) дополнен вторым предложением: «При этом изменения, вносимые заявителем в формулу изобретения на этапе экспертизы евразийской заявки по существу, должны относиться к изобретению (группе изобретений), в отношении которого (которой) был проведен патентный поиск и уплачена пошлина за проведение экспертизы евразийской заявки по существу, с соблюдением требования единства изобретения».

Абзац третий пункта (6) Правила 49 изложен с дополнениями: «Выделенная евразийская заявка может быть подана, если на дату ее подачи первоначальная заявка, из которой она была выделена, не отозвана или не считается отозванной, и ее подача осуществлена до даты выдачи евразийского патента по первоначальной заявке, из которой она была выделена, а в случае принятия по ней решения об отказе в выдаче евразийского патента – до исчерпания возможности его обжалования».

Абзац шестой пункта (8) Правила 53 (Административное аннулирование евразийского патента) с дополнением: «Для рассмотрения апелляции Президент Евразийского ведомства или иное уполномоченное им лицо назначает новый состав коллегии».

Часть II. Промышленные образцы [5]. Патентная инструкция по промышленным образцам начинается с Правила 77 (Толкование основных понятий), которое дополнено понятиями:

– «Женевский акт – Женевский акт Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов от 2 июля 1999 г.;

– «Международная заявка – заявка на международную регистрацию промышленного образца, осуществляемую в соответствии с Женевским актом»;

– «Международная регистрация – международная регистрация промышленного образца, осуществленная в соответствии с Женевским актом»;

– «Международное бюро – Международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности».

Подпункт д) пункта (6) Правила 78 (Условия патентоспособности промышленного образца) в редакции: «д) решениям, в целом или в части тождественным или сходным до степени смешения с товарными знаками других лиц, охраняемыми либо заявленными на регистрацию и опубликованными на территории хотя бы одного из Договаривающихся государств, имеющими более ранний приоритет».

Пункт (2) Правила 79 (Подача евразийской заявки несколькими заявителями) изложен в редакции «Отказ одного или нескольких заявителей участвовать в процедуре выдачи евразийского патента не препятствует другому заявителю или другим заявителям осуществлять действия, необходимые для получения евразийского патента».

Пункт (3) Правила 88 (Исключительное право на промышленный образец и продление срока действия евразийского патента) дополнен абзацем вторым «Срок действия евразийского патента может быть продлен как в отношении всех промышленных образцов, указанных в евразийском патенте, так и в отношении указанных в нем отдельных промышленных образцов».

Пункт (1) Правила 112 (Возражения на решения Евразийского ведомства) изложен с дополнениями: «(1) При несогласии с решением Евразийского ведомства о выдаче или об отказе в выдаче евразийского патента заявитель в соответствии со статьей 14(5) Протокола может в течение трех месяцев с даты направления ему Евразийским ведомством уведомления о

готовности выдать евразийский патент или, соответственно, об отказе в выдаче евразийского патента подать соответствующее возражение».

Абзац первый пункта (2) Правила 116 (Признание евразийского патента недействительным в порядке административного аннулирования) изложен с изменением: «(2) Евразийский патент может быть признан недействительным в порядке административного аннулирования на основании возражения, поданного в Евразийское ведомство в течение срока действия евразийского патента, даже если евразийский патент утратил силу или имел место отказ от евразийского патента».

Абзац третий пункта (4) Правила 116 изложен с дополнением: «Возражение о признании недействительным евразийского патента рассматривается Евразийским ведомством коллегиально. Состав коллегии назначается Президентом Евразийского ведомства или иным уполномоченным им лицом».

Абзац четвертый пункта (7) Правила 116 изложен с дополнением: «Апелляция рассматривается Евразийским ведомством коллегиально. Состав коллегии для рассмотрения апелляции назначается Президентом Евразийского ведомства или иным уполномоченным им лицом».

Инструкция дополнена главой IX «Подача и рассмотрение международных заявок»:

«Правило 127¹ (Международная заявка).

Международная заявка, поданная в соответствии с Женевским актом и содержащая указание Организации, согласно статье 14(1) Женевского акта, начиная с даты международной регистрации, имеет такое же действие, что и правильно оформленная евразийская заявка.

Правило 127² (Деятельность Евразийского ведомства в качестве ведомства договаривающейся стороны заявителя).

Евразийское ведомство действует в качестве ведомства договаривающейся стороны заявителя, как оно определено в Женевском акте в отношении любой международной заявки, если, по крайней мере, один из

заявителей имеет постоянное местожительство или постоянное местонахождение на территории Договаривающегося государства.

Правило 127³ (Подача международной заявки).

(1) Международная заявка, подаваемая в Евразийское ведомство, действующее в качестве ведомства договаривающейся стороны заявителя, в том числе международная заявка, поданная в соответствии с пунктом (2) настоящего правила, должна подаваться на английском языке с уплатой Евразийскому ведомству пошлины за пересылку.

Порядок и сроки уплаты пошлины за пересылку и иных пошлин, предусмотренных Женевским актом и Инструкцией к Женевскому акту, устанавливаются Положением о пошлинах Организации в соответствии с Женевским актом.

(2) Если национальное законодательство Договаривающегося государства предусматривает, что подача международной заявки заявителями, имеющими постоянное местожительство или постоянное местонахождение на территории этого государства, в Евразийское ведомство, действующее в качестве ведомства договаривающейся стороны заявителя, должна осуществляться через национальное ведомство этого государства, то любая поданная таким образом международная заявка считается полученной национальным ведомством от имени Евразийского ведомства, действующего в качестве ведомства договаривающейся стороны заявителя. Национальное ведомство отмечает дату получения международной заявки и, если положения о национальной безопасности, предусмотренные в национальном законодательстве Договаривающегося государства, не препятствуют тому, чтобы заявка могла считаться международной, предпринимает все необходимые меры для незамедлительной пересылки международной заявки в Евразийское ведомство. Национальное ведомство также уведомляет заявителя о необходимости уплаты предписанных пошлин в соответствии с Положением о пошлинах Организации в соответствии с Женевским актом.

Пересланная в соответствии с упомянутой процедурой международная заявка считается полученной Евразийским ведомством, действующим в качестве ведомства договаривающейся стороны заявителя, на дату ее получения соответствующим национальным ведомством.

(3) Если установлено, что на соответствующую дату пошлина за пересылку не уплачена или уплачена не в полном размере, Евразийское ведомство уведомляет об этом заявителя. Уплата указанной пошлины должна быть произведена в течение двух месяцев с даты направления заявителю соответствующего уведомления Евразийского ведомства.

Правило 127⁴ (Публикация международной регистрации).

Публикация международной регистрации в соответствии с Женевским актом и Инструкцией к Женевскому акту, в отношении которой Организация действует в качестве указанной договаривающейся стороны, а Евразийское ведомство – в качестве указанного ведомства, как это определено в Женевском акте, заменяет публикацию евразийской заявки, предусмотренную статьей 14(2) Протокола.

Правило 127⁵ (Деятельность Евразийского ведомства в качестве ведомства, проводящего экспертизу).

(1) Евразийское ведомство действует в качестве ведомства, проводящего экспертизу в отношении международной заявки, содержащей указание Организации.

(2) Экспертиза в отношении международной заявки проводится Евразийским ведомством в соответствии с абзацем третьим правила 109(3) и правилом 111(2) Инструкции.

Правило 127⁶ (Признание международной регистрации недействительной в порядке административного аннулирования).

(1) Международная регистрация может быть признана Евразийским ведомством недействительной в порядке административного аннулирования полностью или частично на основании возражения, поданного в Евразийское ведомство в случаях, если:

промышленный образец не соответствует условиям патентоспособности, установленным правилом 78(1) Инструкции;

промышленный образец относится к решениям или объектам, указанным в правиле 78(6) Инструкции.

Возражение о признании международной регистрации недействительной может быть подано в течение срока действия международной регистрации.

(2) Оформление, подача и рассмотрение возражения о признании международной регистрации недействительной осуществляются в соответствии с правилами 116(2) – 116(7) Инструкции.

(3) Международная регистрация или ее часть, признанные недействительными в порядке административного аннулирования, считаются не вступившими в силу во всех Договаривающихся государствах с даты подачи международной заявки. Евразийское ведомство направляет соответствующее уведомление в Международное бюро.

Правило 127⁷ (Признание международной регистрации недействительной судебными или иными компетентными органами Договаривающихся государств).

(1) Международная регистрация может быть признана недействительной судебными или иными компетентными органами Договаривающегося государства полностью или частично в соответствии с положениями процессуального законодательства такого Договаривающегося государства в течение срока ее действия в случаях, если:

промышленный образец не соответствует условиям патентоспособности, установленным правилом 78(1) Инструкции;

промышленный образец относится к решениям или объектам, указанным в правиле 78(6) Инструкции;

в качестве автора или патентовладельца указано лицо, не являющееся таковым в соответствии со статьей 4 Протокола.

(2) В случае проведения Евразийским ведомством процедуры признания международной регистрации недействительной в порядке административного аннулирования в соответствии с правилом 127⁶ Инструкции решение о недействительности международной регистрации может быть принято судебными или иными компетентными органами Договаривающегося государства только после завершения указанной процедуры.

(3) Решение о признании международной регистрации недействительной, принятое судебными или иными компетентными органами Договаривающегося государства, может быть обжаловано в порядке и в сроки, установленные законодательством соответствующего Договаривающегося государства.

(4) С момента вступления в силу решения о признании международной регистрации недействительной полностью, принятого судебными или иными компетентными органами Договаривающегося государства, действие международной регистрации прекращается и она считается не вступившей в силу во всех Договаривающихся государствах с даты подачи международной заявки.

С момента вступления в силу решения о признании международной регистрации недействительной частично, принятого судебными или иными компетентными органами Договаривающегося государства, действие международной регистрации прекращается, и она считается не вступившей в силу во всех Договаривающихся государствах с даты подачи международной заявки в отношении промышленных образцов, на которые такое решение распространяется. В отношении остальных промышленных образцов действие международной регистрации сохраняется.

По ходатайству владельца международной регистрации прекратившая свое действие международная регистрация может быть преобразована с даты подачи международной заявки в евразийский патент, считающийся вступившим в силу на территории тех Договаривающихся государств, в

отношении которых решение о признании международной регистрации недействительной принято не было.

(5) Национальные ведомства направляют копии вступивших в силу решений о признании международных регистраций недействительными, принятых судебными или иными компетентными органами Договаривающихся государств, с приложением перевода на русский язык их постановляющей (резолютивной) части в Евразийское ведомство.

На основании полученных копий решений Евразийское ведомство направляет соответствующие уведомления в Международное бюро.

(6) При получении ходатайства о преобразовании международной регистрации в евразийский патент Евразийское ведомство вносит соответствующие сведения в Реестр евразийских патентов на промышленные образцы и публикует их в официальном бюллетене Евразийского ведомства.

Заключение

Внесенные в Патентную инструкцию к Евразийской патентной конвенции изменения, дополнения и разъяснения значительно улучшили данный правовой документ, регламентирующий составление, подачу и регистрацию евразийских изобретений и промышленных образцов.

Список источников

1. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции (изменения вступают в силу с 1 февраля 2026 г.). – Текст: электронный; ЕАПО: Интернет-портал. – 2026. – 13 января. – Загл. с титул. экрана. URL: <https://www.eapo.org/eapv-news/s-1-fevralya-vstupayut-v-silu-izmeneniya-v-patentnuyu-instrukciyu-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii/> (дата обращения: 25.04.2026).

2. Правила составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения (утверждены приказом Евразийского патентного ведомства от 15.02.2008, с изменениями и добавлениями, внесенными приказами Евразийского патентного ведомства): Официальный сайт ЕАПВ. URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany->

izobretenij/pravila-sostavleniya-podachi-i-rassmotreniya-zayavok-na-vydachu-evrazijskih-patentov-na-izobreteniya/ (дата обращения: 16.04.2026).

3. Комментарий к нормативным актам, регулирующим деятельность Евразийской патентной организации (постатейный): учеб. пособие / А.В. Ермаков, под общ. ред. А.О. Аракеловой. – Москва: ФГБОУ ВО РГАИС, 2023. – 277 с.

4. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции, часть 1, изобретения. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2025/12/patentnaya-instrukciya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-chast-i.-izobreteniya> (дата обращения: 25.04.2026).

5. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции, часть 2, промышленные образцы. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2025/12/patentnaya-instrukciya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-chast-ii.-promyshlennye-obrazczy> (дата обращения: 25.04.2026).

References

1. Patent Regulations under the Eurasian Patent Convention (Amendments come into force on February 1, 2026). Text: electronic. EAPO: Internet portal. 2026. January 13. Title with the title screen. URL: <https://www.eapo.org/eapv-news/s-1-fevralya-vstupayut-v-silu-izmeneniya-v-patentnuyu-instrukciyu-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii/> (date of access: 25.04.2026) (in Russ.).

2. Rules for drafting, filing and considering applications for the issuance of a Eurasian patent for inventions, approved by order of the Eurasian Patent Office dated February 15, 2008, with amendments and additions introduced by orders of the Eurasian Patent Office. URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-izobretenij/pravila-sostavleniya-podachi-i-rassmotreniya-zayavok-na-vydachu-evrazijskih-patentov-na-izobreteniya/> (date of access: 16.04.2026) (in Russ.).

3. Kommentarij k normativnym aktam, reguliruyushchim deyatel'nost' Evrazijskoj patentnoj organizacii (postatejnyj) = Commentary on the regulations governing the activities of the Eurasian Patent Organization (article-by-article): textbook / A.V. Ermakov, edited by A.O. Arakelova. Moscow: FGBOU VO RGAIS, 2023. 277 p. (in Russ.).

4. Patent Regulations to the Eurasian Patent Convention, Part 1, Inventions. - URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2025/12/patentnaya-instrukciya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-chast-i.-izobreteniya> (date of access: 25.04.2026) (in Russ.).

5. Patent Regulations to the Eurasian Patent Convention, Part 2, Industrial Designs. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2025/12/patentnaya->

instrukciya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenczii-chast-ii.-promyshlennye-obrazczy
(date of access: 25.04.2026) (in Russ.).

Статья поступила 19.04.2026, принята к публикации 27.05.2026.

© Китайский В.Е., 2026

Научная статья
УДК 338.2

**Современные российские исследования человеческого
потенциала и капитала**

Ольга Анатольевна Карпенко,

*Акционерное общество «Самарагорэнергосбыт», Самара, Россия
olga180008@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются новые концепции и современные российские исследования человеческого потенциала и капитала. Рассматривается структура человеческого капитала и его особенности в различных современных исследованиях. Внимание заостряется на том факте, что в настоящее время для трудоустройства и построения карьеры соискателю требуются не только профессиональные знания, но и специфические надпрофессиональные навыки (инновационное и проектное мышление, мультиязычность, умение работать в команде, компьютерная грамотность и многое другое).

Ключевые слова: человеческий потенциал и капитал, труд, капитал, постиндустриальное, информационное общество, экономика знаний, духовный капитал.

Для цитирования: Карпенко О.А. Современные российские исследования человеческого потенциала и капитала // IP: теория и практика. – 2026. – № 2.

Original article

Contemporary russian studies of human potential and capital

Olga A. Karpenko,

*JSC "Samaragorenergosbyt", Samara, Russia
olga180008@yandex.ru*

Abstract. The paper examines new concepts and modern Russian studies of human potential and capital. The structure of human capital and its features in various modern studies are considered. Attention is focused on the fact that at present, employment and career building require not only professional knowledge,

but also specific cross-professional skills (innovative and project thinking, multilingualism, ability to work in a team, computer literacy and much more).

Keywords: human potential and capital, labor, capital, post-industrial, information society, knowledge economy, spiritual capital.

For citation: Karpenko O.A. Contemporary russian studies of human potential and capital // IP: theory and practice. 2026. No. 2.

Введение

С конца XX в. продолжают исследования вопросов и проблем человеческого потенциала и капитала, проблем и направлений их развития, влияния на те или иные экономические аспекты и показатели, на тенденции и процессы экономического, общественного и социального развития как отдельного человека, так и групп, и всего общества.

Существующее в экономической науке широкое терминологическое поле нуждается в систематизации, а современная реальность порождает необходимость рассмотрения человеческого капитала в соотнесении со структурными изменениями в экономике.

Целью настоящей научной работы является изучение современных российских исследований человеческого потенциала и капитала, а задачами – изучение новых концепций и современных российских исследований человеческого потенциала и капитала, выявление современных требований к развитию человеческого потенциала и капитала.

Методы

В работе использовались методы формальной логики, анализ и синтез, сравнение, аналогия и абстракция.

Основное исследование

Среди отечественных исследователей проблем человеческого капитала можно отметить С.А. Дятлова, Р.И. Капелюшников, М.М. Критского, С.А. Курганского и др.

Р.И. Капелюшников дает следующее определение *человеческого капитала*: это «запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого

человека и которые могут использоваться им либо в производственных, либо в потребительских целях» [1].

Традиционным также является следующее толкование *человеческого капитала* А.И. Добрынина: «Человеческий капитал – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка» [2].

К концу XX – началу XXI вв. внимание ученых переключается на *исследования человеческого капитала в профессиональном и отраслевом разрезах* в связи с быстрым формированием среднего класса управленцев и работников умственного труда, получающих большую отдачу от вложений в образование [3]. Впоследствии начинаются исследования накопления и распределения человеческого капитала в профессионально-отраслевом разрезе с точки зрения неравенства доходов или их неравномерного распределения [4], в том числе в межстрановом анализе [5]. Как итог, *человеческий капитал рассматривается с позиции инвестиций в него и их влияния на доходы человека* и оценивается в качественных и преимущественно в количественных показателях.

Формирование и дальнейшее становление *теории человеческого капитала* происходит в период появления теорий о постиндустриальном обществе, экономике и обществе знаний, результатом которых стал поворот общественных наук к человеку. Теория человеческого капитала призвана ответить на новые вызовы современного общества, продиктованные технологическими изменениями на производстве и рынке труда:

- цифровизация и автоматизация производства;
- рост занятости в сфере услуг;
- воздействие новых технологий на занятость;
- появление самозанятости и «экономики свободного заработка»;
- превалирование развития умственного и интеллектуального труда;

- развитие социальных сетей;
- внедрение искусственного интеллекта и роботизация;
- рост потребности в специфическом человеческом капитале и др. [6, с. 64].

В советское время активно изучалась *образовательная компонента в составе человеческого потенциала и капитала*. Это было связано с тем, что в советский период отдельные компоненты человеческого потенциала и капитала, и в первую очередь образование, и в особенности – высшее образование, – становились основой социальной дифференциации общества: происходило ускорение социальной и карьерной мобильности в связи с получением высшего образования.

В последние десятилетия продолжают исследования вопросов и проблем человеческого потенциала и капитала, появляются новации в теории о человеческом капитале, проводятся исследования различных аспектов, проблем и тенденций развития человеческого потенциала и капитала и его влияния на те или иные экономические показатели.

По словам ведущего эксперта центра развития НИУ ВШЭ Д. Авдеевой [7], в последние несколько лет человеческий капитал вносит отрицательный вклад в динамику экономического развития России – в частности, в пандемические 2020 и 2021 гг. он «забрал» у ВВП 0,4 и 0,6 процентного пункта роста соответственно. Строгих расчетов по 2022–2024 гг. пока нет, но из-за трансформации российской экономики дальнейшие перспективы человеческого капитала находятся под рисками.

В настоящее время проводятся *исследования влияния человеческого капитала на экономический рост* через повышение производительности труда и трудовой деятельности работников, и его способности к усилению распространения новых технологий и знаний, используемых в производстве [8; 9; 10; 11; 12].

Рассматриваются различные *вопросы формирования и развития человеческого потенциала и капитала*: образование, самообразование и

обучение, наставничество, учеба и воспитание в семье, общественная и социальная деятельность в социуме и т.п. [13].

Исследованию подлежат и *процессы функционирования в экономике, применения, использования человеческого капитала, получения и распределения им дохода* [14; 15].

Кроме того, изучаются вопросы *влияния человеческого капитала и его подвидов на развитие экономики и экономический рост, проблемы и пути развития и функционирования человеческого капитала в экономике, тенденции и факторы его развития и др.* [16–19].

Наряду с этим в современных исследованиях рассматривается *человеческое поведение в экономике, поведенческая экономика, институциональные аспекты, институты, институциональная система и среда формирования, развития, функционирования человеческого капитала и др.* [20; 21].

Также сегодня в российской экономической науке, как было сказано ранее, ведутся *исследования человеческого капитала в профессионально-отраслевом аспекте*, которые касаются проблем, связанных со слабым развитием, простым и неиспользованием человеческого потенциала и капитала в полную силу: неактивность российских рабочих по получению дополнительного образования [22], проблемы здравоохранения российских рабочих [23], социальная мобильность российских ученых [24], человеческий капитал современного села [25].

Также исследуется *духовный потенциал и капитал в составе человеческого капитала* [26].

В результате проведения современных исследований можно наблюдать некоторую гуманизацию теории человеческого капитала: все большее значение приобретают качественные показатели, характеризующие навыки и компетенции человека, ведется дискуссия о содержании универсального набора компетенций, который позволит человеку успешно функционировать на рынке труда. Проблема аккумуляции и актуализации человеческого

капитала переходит в область национального развития: качество человеческого капитала оказывает первостепенное влияние на экономическое развитие государств.

Происходит сокращение занятости в традиционном секторе, но появляется спрос на новые профессии, автоматизируются монотонные процессы при дефиците когнитивных навыков высокого порядка, социальных и поведенческих навыков. В связи с этим современные реалии требуют новых подходов к оценке и развитию человеческого капитала, которые активно разрабатываются.

Под воздействием новых технологий актуализируются *вопросы занятости в связи с появлением новых профессий и необходимых надпрофессиональных навыков*, происходит снижение спроса на старые профессии или их трансформация. Среди необходимых надпрофессиональных навыков выделяют навыки инновационного и проектного мышления, работы в команде, определения приоритетов, использования тайм-менеджмента, мультиязычности и мультикультурности, самопрезентации и др.

Важнейшим вопросом в развитии современной теории выступает структура человеческого капитала. Здесь интересен подход А.А. Хоконова: *человеческий капитал* – это сложный синтетический фактор, который агрегирует комплекс социально-экономических, психологических и иных параметров человеческих ресурсов [27]. В *структуре человеческого капитала* ученый выделяет различные равные между собой компоненты: состояние здоровья, качество труда, уровень культуры, менталитет, управленческие и предпринимательские способности, степень свободы, производственный опыт, когнитивные и творческие способности, стрессоустойчивость, уровень образования, способность к самоорганизации, адаптивные качества, т.е. значимые составляющие подвидов человеческого капитала.

А.А. Хоконов отмечает, что качественные системы образования и здравоохранения способствуют генерации лучшего человеческого капитала, способного производить высококвалифицированный труд большей

сложности. Ученый выделяет *высококачественный человеческий капитал* [28], который, реализуясь в сложном труде, создает большую стоимость в единицу времени, а реализуясь в простом труде, – большее количество прибавочного продукта. Затем созданные стоимость и прибавочный продукт участвуют в образовании национального дохода.

Интересен подход Ю.А. Корчагина к *классификации человеческого капитала*, который по степени готовности к инновациям, созидательности и эффективности делит его на *пассивный* – не участвующий в инновационных процессах, *положительный или созидательный*, инновационный человеческий капитал, и *отрицательный* человеческий капитал – деструктивный фактор, препятствующий общественному прогрессу [10].

В итоге, под *человеческим капиталом* ученые понимают сформированный в результате инвестиций и накопленный запас знаний, умений и иных качеств, генерирующий в результате производительного использования отдачу в различных формах (в том числе в виде будущих заработков или неденежных выгод). Он обладает специфическими особенностями, отличающими его от физического капитала: человек в качестве носителя, неденежная форма отдачи, высокое влияние способностей к качественному труду и развитию.

При этом сегодня трудности преодоления технологических барьеров в развитии государств и регионов во многом определяются недостаточным уровнем развития человеческого капитала, что, в свою очередь, связано с качеством образования и других институтов социальной инфраструктуры, а также системы механизмов, определяющих статус образования и его востребованность в обществе. Типичной является так называемая ловушка бедности, когда недостаток образования связан с низкими доходами, а рост доходов блокируется низкой квалификацией рабочей силы. Мировой опыт и опыт нашей страны в советский и постсоветский период показывают, что темпы развития общего и специального образования, опережающие

экономический рост, являются обязательным условием успешной модернизации.

Воспроизводство человеческого потенциала и капитала происходит в двух направлениях: воспроизводство в смысле восстановления сил и жизненной энергии человека в процессах отдыха, питания, восстановления и релаксации, положительного общения и т.п., а также воспроизводство в смысле появления потомства и его дальнейшее воспитание, обучение и развитие. Это направление сегодня представляет собой отдельный пласт особенно актуальный сейчас экономико-демографических исследований, связанных с необходимостью решения демографической проблемы старения населения и падения рождаемости и создания необходимых социальных и экономических условий для увеличения в нашей стране количества многодетных семей.

Развитие человеческого потенциала и капитала в настоящее время предполагает образование и самообразование (профессиональное, надпрофессиональное и около профессиональное), просвещение в духовном, культурном и религиозном аспектах, социальное и общественное развитие, а также индивидуальное личностное (творчество, хобби, и т.п.) и совместное семейное развитие.

Накопление человеческого капитала – это не только поддержка качества рабочей силы, но и передача опыта и знаний другим, обучение и наставничество и т.п.

В условиях возрастания тенденции к непрерывному образованию, повышению конкуренции во многих сферах жизни, а также социальных, демографических и других проблем для человека остро встает вопрос о необходимости дополнительного обучения или переквалификации, а возможно, и смены рода деятельности. Однако при этом перед людьми ежедневно встает множество вопросов: организации своего обучения без отрыва от работы, совмещения карьеры, обучения и семьи, решения

финансовых проблем и многое другое. В современных жизненных реалиях решить эти задачи одновременно становится довольно сложно.

И здесь людям необходима институционально-профессиональная помощь как в финансовом и профессиональном плане, так и в организации собственного развития, профориентации, а возможно – и психологическая помощь, повышение собственной мотивации для успешного обучения, всестороннего развития согласно индивидуальной траектории, успешного трудоустройства и карьерного роста. Особенно остро данные вопросы стоят для социально незащищенных категорий граждан, малообеспеченных, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также для женщин, подростков и людей пенсионного возраста.

Итак, в условиях современного рынка труда требуются новые качества и компетенции:

- активная жизненная позиция в условиях быстро меняющейся экономической ситуации на фоне изменения возраста выхода на пенсию,
- повышение финансовой грамотности,
- владение профессиональными «жесткими» и «гибкими» навыками,
- владение надпрофессиональными навыками (проектное, инновационное, креативное, экологичное мышление, умение работать и выстраивать коммуникацию в команде, мультиязычность и мультикультурность, навыки самопрезентации, непрерывного обучения, умения работать и принимать решения в условиях неопределенности, различные виды грамотности, владение тайм-менеджментом, умение ставить правильные цели и задачи, верно делегировать, клиентоориентированность и др.),
- повышение эффективности ведения семейного и личного бюджета,
- раскрытие социального и экономического потенциала, построение индивидуальной карьерной траектории,
- развитие самозанятости и создание объекта малого предпринимательства,

– формирование новых вариантов заработка и подработки для подростков, молодых мам и незащищенных категорий граждан: малообеспеченных семей, одиноких и многодетных матерей, многодетных малообеспеченных семей, людей в трудной жизненной ситуации, людей пенсионного возраста.

Среди необходимых навыков на современном рынке труда и в современной жизни можно выделить:

- навыки непрерывного обучения, образования, повышения квалификации и получения новых знаний, перенятия опыта и т.п.,
- навыки саморазвития, самообучения, самообразования и самопрезентации,
- когнитивные, аналитические навыки,
- коммуникационные, навыки построения межличностных отношений и современной эффективной коммуникации (в том числе, общения в мессенджерах),
- навыки наставничества, менторства, коучинга, передачи опыта,
- навыки поиска работы и эффективного трудоустройства, а также поиска подработки,
- навыки поиска новых возможностей заработка,
- навыки открытия и ведения, развития своего дела,
- навыки быстрого обучения и включения в рабочий процесс на новом рабочем месте, а также при выходе на работу после длительного перерыва (например, декретного, болезни, отпуска без сохранения заработной платы),
- навыки удаленной и частично удаленной (дистанционной) работы,
- навыки проектной деятельности и работы в команде,
- навыки ведения нескольких видов деятельности и построения одновременно нескольких карьер (профессиональной, предпринимательской, преподавательской, предпринимательской и др.),
- навыки общественной и социальной деятельности, работы и служения,

- навыки работы в условиях цифровизации и автоматизации,
- навыки ведения социальных сетей и эффективного общения в них,
- навыки тайм-менеджмента, которые требуются и на работе, и в организации своей жизни, в том числе семейной,
- навыки деятельности, работы, принятия решений в условиях неопределенности, кризисных и стрессовых ситуаций,
- иные, ранее не перечисленные надпрофессиональные навыки (мультиязычность и мультикультурность, инновационное и проектное мышление, предпринимательские способности, правовая, финансовая и ИКТ-грамотность, грамотная устная и письменная речь, умение поддерживать светскую и профессиональную беседу, соответствующий внешний вид и др.),
- иные навыки, которые будут востребованы в будущем и др.

При этом на практике оказывается, что в современных условиях освоиться и включиться в рабочий процесс на новом рабочем месте или вернуться в трудовую деятельность на старое рабочее место оказывается нелегко. Ведь потребности работодателей меняются чуть ли не ежедневно, и требуется постоянное совершенствование, обучение и овладение новыми навыками и знаниями, а также нужно оставаться интересным и полезным собеседником в рабочем и социальном коллективе.

Затем становится необходимым грамотное построение индивидуальной карьерной траектории и при необходимости, – грамотная профориентация для смены профессии, овладения иной, дополнительной, смежной профессией или дополнительного обучения, которое играет важнейшую роль в современном профессиональном и карьерном пути человека. Отметим, что современный карьерный путь расширяется и представляет собой уже построение одновременно нескольких карьер, например, – основная профессиональная деятельность, смежная профессиональная деятельность, преподавательская деятельность, предпринимательская деятельность, деятельность, связанная с хобби и т.п.

Также современная жизнь требует всестороннего активного развития человека, он должен быть всесторонне грамотным и развиваться в культурном, общественном и социальном плане, а также быть нравственно и духовно развитым, посещать различные мероприятия, заниматься социальной деятельностью и служением, благотворительностью, и развиваться личностно (уход за собой, физическая культура, чтение, хобби и т.п.).

В современной России выбран курс на духовно-нравственное развитие и укрепление духовно-нравственных ценностей. Массово проводятся патриотические и иные мероприятия, направленные на укрепление духовно-нравственных ценностей, транслируются передачи и фильмы соответствующего характера и др.

В настоящее время совершенствование системы воспитания строится на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, заложенных в стратегических документах Российской Федерации.

Во всех образовательных организациях внедрены рабочие программы воспитания.

С сентября 2026 г. в российских школах вводится новый обязательный предмет для обучения «Духовно-нравственная культура России». Разработкой учебных пособий занимается Московский педагогический государственный университет при поддержке РПЦ. Содержание курса будет касаться духовно-нравственных ценностей русской и российской цивилизации через деятельность героев, через их жизнеописание и их подвиги.

С 1 сентября 2023–2024 учебного года воспитательная работа в общеобразовательных организациях ведется в соответствии с федеральными рабочими программами воспитания и федеральным календарным планом воспитательной работы. Документы разработаны в соответствии с базовыми традиционными российскими ценностями, закрепленными в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, а также в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Кроме того, сегодня растет интерес к религиозной жизни, открываются и развиваются воскресные школы и духовные центры, а также ведется религиозная просветительская деятельность и появляются новые возможности для религиозного обучения и повышения религиозной грамотности.

Заключение

Таким образом, мы видим, что в последнее время в российской науке проводятся различные современные исследования человеческого потенциала и капитала, рассматриваются различные актуальные вопросы и проблемы его сущности, составляющих компонентов, навыков и компетенций, классификации, инвестиций, вопросы формирования, функционирования, воспроизводства, развития и накопления человеческого капитала, его оценки и влияния на качественные и количественные экономические и социальные показатели (на экономический рост и качество жизни), выявляются тенденции и дальнейшие перспективы развития.

В российской науке проводятся различные современные исследования человеческого потенциала и капитала, рассматриваются актуальные вопросы и проблемы его сущности, составляющих, классификации, инвестиций, вопросы формирования, функционирования, воспроизводства, развития и накопления, его оценки и влияния на качественные и количественные экономические и социальные показатели (на экономический рост и качество жизни), выявляются тенденции и дальнейшие перспективы развития.

В современных условиях к развитию человеческого потенциала и капитала предъявляются многочисленные разносторонние и разноплановые требования, сопряженные с необходимостью совершения правильного жизненного выбора (профориентации, обучения, карьерной траектории и т.д.) и граничащие с невозможностью выполнения всех требований, особенно в условиях внешней неопределенности и угроз, а также внутренней нестабильности.

В настоящее время человеку для успешного трудоустройства и построения карьеры требуется владеть множеством навыков и качеств: «жесткими» и «мягкими» навыками, универсальными надпрофессиональными навыками и др. Тем не менее жизнь постоянно предлагает человеку все новые условия, требующие быстрого реагирования, принятия решений и овладения новыми навыками, качествами, знаниями и способностями, в связи с чем возможности и силы современного человека и человека будущего также меняются и растут.

Список источников

1. Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности / Р. Капелюшников // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4. – С. 37–44.
2. Добрынин А.Н. Человеческий капитал / А.Н. Добрынин, С.А. Дятлов. – Москва: Экзамен, 2002.
3. Routh G. Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981. London: Macmillan Press. 1987. 84 p.
4. Wyatt I. D., Hecker D.E. Occupational Changes During the 20th Century. Monthly Labor Review. March, 2006. Pp. 35–57.
5. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. – 2017. – № 4. – С. 120–156.
6. Кудина М.В. Теория человеческого капитала: систематизация подходов на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой экономике / М.В. Кудина, М.А. Сухарева // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. – 2020. – № 5. – С. 59–71.
7. В ВШЭ увидели снижение вклада человеческого капитала в экономику России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/03/2024/6603e7959a79477b8b9abdb2> (дата обращения: 01.05.2026).
8. Красова Е.В. Оценка влияния человеческого капитала на производительность труда (на основе данных российских регионов за 2019–2021 гг. / Е.В. Красова, Е.И. Горбенкова // Human Progress. – 2023. – Том 9. Выпуск 6 (ноябрь – декабрь). – С. 1–15.

9. Корицкий А.В. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост: теория, методология, эмпирическая проверка: Автореферат дисс. ... д.э.н. – Красноярск. – 2012. – 35 с.

10. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал – интенсивный социально-экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности: Доклад на Научном семинаре «Человеческий капитал как междисциплинарная область исследований» / Ю.А. Корчагин. – Москва – Воронеж. – 2011. URL: www.ierc.ru (дата обращения: 01.05.2026).

11. Устинова К.А. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография / К.А. Устинова, Е.С. Губанова, Г.В. Леонидова. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. – 195 с.

12. Казакова М.В. Концепция человеческого капитала и механизмы его влияния на экономический рост / М.В. Казакова. – Москва: Изд. РАНХиГС. – 2022. – 60 с.

13. Карпенко О.А. Особенности различных подвидов семейного человеческого потенциала и капитала; Крепкая семья – сильная Россия: Сборник материалов Всероссийского научно-практического форума, приуроченного к Году семьи / О.А. Карпенко. – Брянск, 2024. – С. 83–89.

14. Аббасов А.Я. Особенности формирования и использования человеческого капитала в России / А.Я. Аббасов, И.В. Кохова // Вестник Евразийской науки. – 2023. – Том 15, № 1. – С. 1–9.

15. Карпенко О.А. Формирование и использование интеллектуального капитала в современной экономике: дисс. ...к.э.н. / Самарский государственный экономический университет. – Самара, 2011. – 205 с.

16. Четвертаков И.М., Четвертакова В.П. Проблемы и пути развития человеческого капитала // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2020. – № 4 (67). – С. 251–259.

17. Евхута О.Н. Основные тенденции и факторы развития человеческого капитала РФ на современном этапе // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 2. – С. 185–189.

18. Диденко Д.В. Человеческий капитал как фактор развития российской интеллектуалоемкой экономики в компаративном контексте (историко-экономический анализ): автореферат ... д.э.н. – Москва: 2015. – 38 с.

19. Карпенко О.А., Левченко Л.В. Формирование, функционирование, воспроизводство и накопление семейного человеческого потенциала и капитала // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2024. – № 34. – С. 19–32.

20. Ценный ресурс: зачем экономике человеческий капитал. Режим доступа: URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/tsennyi-resurs-zachem-ekonomike-chelovecheskii-kapital> (дата обращения: 01.01.2026).

21. Карпенко О.А. Институты формирования и накопления интеллектуально-духовного капитала; Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики: Сборник статей XVII международной научно-практической конференции. – Минск, 2023. – С. 6–10.

22. Латова Н.В. Российские рабочие сквозь призму теории человеческого капитала / Н.В. Латова // *Общественные науки и современность*. – 2018. – № 3. – С. 33–50.

23. Тихонова Н.Е. Особенности здоровья и возрастная структура российских рабочих – традиции против изменений // *Журнал исследований социальной политики* / Н.Е. Тихонова. – 2018. Т. 16. – № 2. – С. 311–326.

24. Шматко Н.А. Научный капитал как драйвер социальной мобильности ученых // *Форсайт*. – 2011. Т. 5. № 3. – С. 18–32

25. Хагуров А.А. Человеческий капитал современного российского села. Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – Москва: Институт социологии РАН. – 2008. – С. 195–220.

26. Карпенко О.А. Подвиды человеческого потенциала и капитала: сходства, различия, взаимосвязь и развитие / О.А. Карпенко. – Москва, 2025. – 110 с.

27. Хоконов А.А. К вопросу о значении фактора человеческого капитал в инновационном развитии страны / А.А. Хоконов // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – 2015. – № 1 (21). – С. 76–80.

28. Ищук А.С. История понятия «человеческий капитал» и современные подходы к определению его структуры // *Молодой ученый*. – 2018. – № 12 (198). – С. 81–84.

References

1. Kapelyushnikov R. Human Capital of Russia: Evolution and Structural Features. *Vestnik obshchestvennogo mneniya = Bulletin of Public Opinion*. 2005. No. 4. P. 37–44 (In Russ.).

2. Dobrynin A.N., Dyatlov S.A. *Chelovecheskiy kapital = Human Capital*. Moscow: Ekzamen Publ. 2002 (In Russ.).

3. Routh G. *Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981*. London: Macmillan Press, 1987. 84 p.

4. Wyatt I.D., Hecker D.E. Occupational Changes During the 20th Century. *Monthly Labor Review*. March 2006. Pp. 35–57.

5. Anikin V.A. Human Capital: Formation of the Concept and Main Interpretations. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2017. No. 4. P. 120–156 (In Russ.).
6. Kudina M.V., Sukhareva M.A. Theory of Human Capital: Systematization of Approaches Based on Criteria of Interrelation of Its Development with Structural Changes in the World Economy. *Intellect. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovations. Investments*. 2020. No. 5. P. 59–71 (In Russ.).
7. V VShE uvideli snizhenie vklada chelovecheskogo kapitala v ekonomiku Rossii = HSE Noted a Decline in the Contribution of Human Capital to the Russian Economy. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/03/2024/6603e7959a79477b8b9abdb2> (date of access: 01.05.2026) (In Russ.).
8. Krasova E.V., Gorbenkova E.I. Otsenka vliyaniya chelovecheskogo kapitala na proizvoditel'nost' truda (na osnove dannykh rossiyskikh regionov za 2019–2021 gg.) = Assessment of the Impact of Human Capital on Labor Productivity (Based on Data from Russian Regions for 2019–2021). *Human Progress*. 2023. Vol. 9. Iss. 6 (November–December). P. 1–15 (In Russ.).
9. Koritskiy A.V. Otsenka vliyaniya chelovecheskogo kapitala na ekonomicheskiy rost: teoriya, metodologiya, empiricheskaya proverka = Assessment of the Impact of Human Capital on Economic Growth: Theory, Methodology, Empirical Verification: Dr. sci. (econ) diss. abstract. Krasnoyarsk, 2012. 35 p. (In Russ.).
10. Korchagin Yu.A. Chelovecheskiy kapital – intensivnyy sotsial'no-ekonomicheskiy faktor razvitiya lichnosti, ekonomiki, obshchestva i gosudarstvennosti = Human Capital as an Intensive Socio-Economic Factor of Development of the Individual, Economy, Society and Statehood: report at the Scientific Seminar “Human Capital as an Interdisciplinary Field of Research”. Moscow–Voronezh, 2011. URL: www.lerc.ru (date of access: 01.05.2026) (In Russ.).
11. Ustinova K.A., Gubanova E.S., Leonidova G.V. Chelovecheskiy kapital v innovatsionnoy ekonomike = Human Capital in the Innovation Economy: monograph. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS Publ., 2015. 195 p. (In Russ.).
12. Kazakova M.V. Kontsepsiya chelovecheskogo kapitala i mekhanizmy ego vliyaniya na ekonomicheskiy rost = The Concept of Human Capital and Mechanisms of Its Impact on Economic Growth. Moscow: RANEPА Publ., 2022. 60 p. (In Russ.).
13. Karpenko O.A. Osobennosti razlichnykh podvidov semeynogo chelovecheskogo potentsiala i kapitala = Features of Various Subtypes of Family

Human Potential and Capital. In: *Krepkaya sem'ya – sil'naya Rossiya = Strong Family – Strong Russia: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Forum dedicated to the Year of the Family*. Bryansk, 2024. P. 83–89 (In Russ.).

14. Abbasov A.Ya., Kokhova I.V. Features of Formation and Use of Human Capital in Russia. *Vestnik Evraziyskoy nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 1–9 (In Russ.).

15. Karpenko O.A. *Formirovanie i ispol'zovanie intellektual'nogo kapitala v sovremennoy ekonomike = Formation and Use of Intellectual Capital in the Modern Economy: cand. sci. (econ) diss.* Samara State University of Economics. Samara, 2011. 205 p. (In Russ.).

16. Chetvertakov I.M., *Problems and Ways of Human Capital Development*. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Voronezh State Agrarian University*. 2020. No. 4 (67). P. 251–259 (In Russ.).

17. Evkhuta O.N. *Main Trends and Factors of Human Capital Development in the Russian Federation at the Present Stage*. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. No. 2. P. 185–189 (In Russ.).

18. Didenko D.V. *Chelovecheskiy kapital kak faktor razvitiya rossiyskoy intellektualoemkoy ekonomiki v komparativnom kontekste (istoriko-ekonomicheskii analiz) = Human Capital as a Factor of Development of the Russian Knowledge-Intensive Economy in a Comparative Context (Historical and Economic Analysis): Dr. sci. (econ) diss. abstract*. Moscow, 2015. 38 p. (In Russ.).

19. Karpenko O.A., Levchenko L.V. *Formation, Functioning, Reproduction and Accumulation of Family Human Potential and Capital*. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific Notes of the Tambov Branch of RoSMU*. 2024. No. 34. P. 19–32 (In Russ.).

20. *Why the Economy Needs Human Capital*. URL: (date of access: 01.01.2026) (In Russ.).

21. Karpenko O.A. *Instituty formirovaniya i nakopleniya intellektual'no-dukhnogo kapitala = Institutes of Formation and Accumulation of Intellectual and Spiritual Capital*. In: *Sovremennye innovatsionnye tekhnologii i problemy ustoychivogo razvitiya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki = Modern Innovative Technologies and Problems of Sustainable Development in the Digital Economy: collection of articles of the XVII International Scientific and Practical Conference*. Minsk, 2023. P. 6–10 (In Russ.).

22. Latova N.V. Russian Workers through the Lens of Human Capital Theory. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and Contemporary World. 2018. No. 3. P. 33–50 (In Russ.)
23. Tikhonova N.E. Health Characteristics and Age Structure of Russian Workers – Traditions vs. Changes. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* = Journal of Social Policy Studies. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 311–326 (In Russ.).
24. Shmatko N.A. Scientific Capital as a Driver of Scientists' Social Mobility. *Forsayt* = Foresight. 2011. Vol. 5. No. 3. P. 18–32 (In Russ.).
25. Khagurov A.A. Chelovecheskiy kapital sovremennogo rossiyskogo sela = Human Capital of the Modern Russian Village. In: *Modernizatsiya sotsial'noy struktury rossiyskogo obshchestva* = Modernization of the Social Structure of Russian Society / ed. by Z.T. Golenkova. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2008. P. 195–220 (In Russ.).
26. Karpenko O.A. Podvidy chelovecheskogo potentsiala i kapitala: skhodstva, razlichiya, vzaimosvyaz' i razvitie = Subtypes of Human Potential and Capital: Similarities, Differences, Interrelations and Development. Moscow, 2025. 110 p. (In Russ.).
27. Khokonov A.A. On the Significance of the Human Capital Factor in the Innovative Development of the Country. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* = MIR (Modernization. Innovations. Development). 2015. No. 1 (21). P. 76–80 (In Russ.).
28. Ishchuk A.S. History of the Concept of “Human Capital” and Modern Approaches to Defining Its Structure. *Molodoy uchenyy* = Young Scientist. 2018. No. 12 (198). P. 81–84 (In Russ.).

Статья поступила 02.06.2026, принята к публикации 10.06.2026.

© Карпенко О.А., 2026

Трибуна молодых ученых

Научная статья

УДК 334.764

Особенности управления инновационными бизнес-проектами в швейной промышленности: сравнительный анализ Бангладеш и Российской Федерации

Амит Кумар Саха,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Магистрант

amitkumarsaha308812@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0008-8719-4771>

Аннотация. В статье анализируется управление инновационными бизнес-проектами в секторе производства готовой одежды Бангладеш в сравнении с швейной промышленностью Российской Федерации. Бангладеш осуществляет переход от низкозатратной производственной модели к инновационно-ориентированной конкурентоспособности. Рассматриваются интеграция в глобальные цепочки создания стоимости и модернизация, обусловленная требованиями комплаенса, а также такие вызовы, как технологическая неоднородность, импортозависимость сырья и экологическое давление. Особое внимание уделяется цифровой трансформации, включая автоматизацию и внедрение ERP-систем, а также практикам устойчивого развития, таким как сертификация «зеленых» фабрик. Сравнительный анализ показывает, что Бангладеш реализует экспортноориентированную инновационную модель, тогда как Россия опирается на государственно координируемую промышленную модернизацию. Делается вывод о том, что эффективное управление инновациями и технологическое обновление являются условиями долгосрочной промышленной устойчивости и конкурентоспособности.

Ключевые слова: швейная промышленность Бангладеш, сектор готовой одежды, государственная промышленная политика, глобальные цепочки создания стоимости.

Для цитирования: Саха А.К. Особенности управления инновационными бизнес-проектами в швейной промышленности: сравнительный анализ Бангладеш и Российской Федерации // IP: теория и практика. – 2026. – № 2.

Original article

Peculiarities of Innovative Business Project Management in the Garment Industry: A Comparative Analysis of Bangladesh and the Russian Federation

Amit K. Saha,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Master's Student

amitkumarsaha308812@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0008-8719-4771>

Abstract. The paper will analyze the issues involved with the running of innovative business initiatives within the Ready-Made Garment (RMG) business of Bangladesh, as compared to the challenges that are faced by the textile industry in the Russian Federation. As the second-largest producer today, Bangladesh is shifting toward the routine of innovation-based competitive posture, as compared to its previous competitive position of low-cost competitiveness. The areas of interest of this enquiry are export dependency, becoming part of worldwide value chains and modernization necessity because of compliance demands, the heterogeneity of technology, reliance on outside raw materials and environmental stress. The specific topics of digitalization, namely automation, enterprise resource planning (ERP) systems, and applications in quality control with the help of artificial intelligence, along with sustainable development, such as green factory certification and the implementation of renewable energy resources are also given particular attention. The paper highlights the fact that whereas Bangladesh follows an export-oriented innovation model, the situation is different in the Russian textile industry, where the process of industrial modernization is directing, which is organized mainly along governmental information. The paper has also highlighted the fact that proper management of innovation is a critical aspect in achieving long term sustainability in the industry.

Keywords: Bangladesh Garment Industry, Ready Made Garment (RMG) Sector, State Industrial Policy, Global Value Chains.

For citation: Saha A.K. Peculiarities of Innovative Business Project Management in the Garment Industry: A Comparative Analysis of Bangladesh and the Russian Federation // IP: theory and practice. 2026. No. 2.

Введение

В 2020 г. Бангладеш занял второе место в мире по объему экспорта швейной продукции. Рост отрасли был обусловлен низкой стоимостью рабочей силы. Однако в условиях глобальной конкуренции стратегия ценового лидерства перестает быть достаточной. Международные заказчики предъявляют требования к соблюдению стандартов ESG и внедрению цифровых технологий.

По данным Международной организации труда [1], реформы в сфере инноваций привели к инвестициям в обеспечение промышленной безопасности и модернизацию инфраструктуры. Были реализованы проекты по автоматизации производственных линий, внедрению ERP-систем и экологической сертификации по стандарту LEED.

По оценке McKinsey & Company [2], сегодня развитие швейной индустрии в Бангладеш связано с повышением производительности труда и цифровой трансформацией.

В статье рассматриваются практики инновационного менеджмента в швейной промышленности Бангладеш и проводится сопоставление с швейной промышленностью России.

Методы

В исследовании использован сравнительный метод – для сопоставления ситуации в России и Бангладеш в сфере инноваций в швейной промышленности.

Основное исследование

Определение и концептуальные основы функционирования швейной фабрики в Бангладеш. Швейная промышленность Бангладеш

представляет собой экспортно ориентированную производственную систему, обеспечивающую поставки продукции на ведущие мировые рынки. Отрасль характеризуется трудоемким массовым производством, интеграцией в глобальные цепочки создания стоимости и зависимостью от импортируемого сырья. По данным Всемирного банка [3], Бангладеш занимает второе место в мире по объему экспорта одежды после Китая. Существенную роль в росте отрасли сыграла возможность выхода на внешние рынки в рамках Многостороннего соглашения по текстилю (MFA).

Текстильная промышленность России демонстрирует положительную динамику, обусловленную государственной политикой, направленной на развитие внутреннего производства. Реализован комплекс мер по поддержке отрасли, включая субсидии и льготные кредиты. Существенное внимание уделяется политике импортозамещения.

Сектор готовой одежды является крупнейшим источником экспортной выручки страны.

Формирование отрасли началось в 1980-е годы. В последние годы модель конкурентного преимущества трансформировалась в ориентацию на рост производительности и модернизацию. Инновационное управление связано с внедрением бережливого производства, автоматизированных технологий и ERP-систем. По данным Ассоциации производителей и экспортеров одежды Бангладеш [4], в стране функционируют «зеленые» фабрики, сертифицированные по стандарту LEED.

После 2013 г. реформы отрасли привели к повышению стандартов охраны труда. В отрасли получила развитие модель комплаенс-ориентированных инноваций. В настоящее время управление бизнес-проектами характеризуется формированием модели, сочетающей лидерство по издержкам и соблюдение требований устойчивого развития.

Ключевые характеристики в российском контексте. Организационная структура и стратегическая направленность текстильной и швейной промышленности России отличаются от модели Бангладеш,

реализующей экспортно ориентированную модель сектора готовой одежды (далее – RMG). В отличие от Бангладеш, где производственные процессы встроены в глобальные цепочки создания стоимости, российская отрасль ориентирована на внутренний рынок и цели национальной промышленной политики. С организационной точки зрения российская швейная промышленность характеризуется меньшей концентрацией производственных мощностей. Предприятия локализованы в регионах и функционируют в формате индустриальных парков или текстильных кластеров. Отрасль сохраняет зависимость от импорта сырья.

Согласно данным Министерства промышленности и торговли Российской Федерации (далее – Минпромторг России)¹, после 2014 г. развитие сектора определяется задачами импортозамещения и технологической модернизации в условиях геополитических ограничений. С этой целью в России реализуется политика модернизации и предоставления льготного финансирования с целью повышения устойчивости промышленного потенциала.

Таблица

Различия в секторе RMG Бангладеш и России

Фактор	Бангладеш	Россия
Рыночная ориентация	Экспортно ориентированный характер развития	Ориентация на внутренний рынок
Стоимость рабочей силы	Низкая	Средняя или высокая
Факторы, стимулирующие инновационное развитие	Требования комплаенса и давление со стороны международных организаций	Политика импортозамещения и государственная поддержка
Роль государства	Меры по стимулированию экспорта	Программы промышленной политики

Проблемы развития и ключевые вызовы. Несмотря на интеграцию сектора готовой одежды Бангладеш в глобальную экспортную систему,

¹ Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Стратегия развития текстильной промышленности Российской Федерации. М., 2022. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Textile_industry_in_Russia (дата обращения: 26.02.2026).

отрасль сталкивается с институциональными ограничениями. Одной из проблем остаются условия труда и риски, связанные с соблюдением требований комплаенса. Сохраняется необходимость укрепления системы трудовых отношений.

Существенным ограничением выступает технологическая неоднородность производственных мощностей. Крупные компании внедряют автоматизацию, тогда как часть малых и средних предприятий использует трудоемкие технологии. Также сохраняется зависимость отрасли от импорта сырья. Страна импортирует синтетические волокна и специализированные текстильные материалы. Всемирный банк [3] подчеркивает, что ограниченная вертикальная интеграция сдерживает диверсификацию.

Усиливается экологическое давление на отрасль. Международные бренды требуют соблюдения экологических стандартов. По данным Ассоциации производителей и экспортеров одежды Бангладеш [4], достигнуты успехи в сертификации «зеленых» фабрик.

Макроэкономическим риском выступает концентрация экспортных поставок на рынках Европейского союза и Соединенных Штатов. Всемирной торговой организацией [5] подчеркивается необходимость диверсификации экспортных рынков.

В совокупности указанные факторы формируют стратегическую среду для функционирования системы инновационного менеджмента.

Цифровая трансформация и Индустрия 4.0. Швейные предприятия Бангладеш демонстрируют тенденцию к внедрению цифровой трансформации как элемента управления бизнес-проектами. Традиционные модели заменяются автоматизированными системами, направленными на повышение производительности. Так, на многих экспортно ориентированных предприятиях внедрены автоматизированные раскройные комплексы, обеспечивающие снижение материальных потерь. Ведущие производители внедряют системы контроля качества на основе технологий искусственного интеллекта для выявления дефектов в режиме реального времени. Цифровые

решения повышают стабильность качества продукции в условиях глобальных цепочек поставок.

Рис. 1. Внедрение цифровой трансформации и технологий Индустрии 4.0 в швейной промышленности Бангладеш

Другим направлением стало внедрение систем мониторинга производства в режиме реального времени для отслеживания объемов выпуска. Использование таких систем позволяет выявлять узкие места. Процессы управления цепочками поставок интегрируются с платформами планирования ресурсов предприятия (ERP).

По оценке Всемирного банка [3], цифровая трансформация является стратегически необходимой. Темпы роста производительности предприятия определяются цифровыми компетенциями бизнеса.

В свою очередь, McKinsey & Company [2] указывают на риск утраты рыночных позиций при недостаточных инвестициях в модернизацию. Распространение технологий носит неравномерный характер: крупные предприятия активнее внедряют такие решения. Управление инновациями требует инвестиционного планирования и развития цифровых компетенций персонала.

Устойчивое развитие и «зеленое» производство. В системе инновационного менеджмента сектора готовой одежды Бангладеш принципы устойчивого развития приобрели статус стратегического ориентира. В стране функционируют предприятия, сертифицированные по стандарту LEED. Согласно исследованию Ассоциации производителей и экспортеров одежды Бангладеш [4], страна занимает первое место по количеству LEED-сертифицированных фабрик.

Инновационные проекты связаны с установкой очистных сооружений (ETP). Реализуются проекты по внедрению возобновляемых источников энергии.

Существенным направлением является модернизация оборудования с акцентом на энергоэффективность. Внедрение энергоэффективных установок позволяет сократить потребление электроэнергии. По данным Всемирного банка [3], инвестиции обеспечивают снижение производственных издержек.

«Зеленое» производство представляет собой организацию процесса производства, при котором минимизируется углеродный след. В условиях ужесточения требований к ESG параметрам наличие «зеленых» производств становится фактором конкурентного преимущества.

Правительство реализует механизмы поддержки устойчивого производства. Инвестиции в «зеленые» фабрики поощряются налоговыми льготами. Инициативы в области устойчивого развития представляют собой составляющую инновационной политики отрасли.

Диверсификация и модернизация продуктовой структуры. На протяжении ряда лет сектор готовой одежды Бангладеш концентрировался на массовом производстве простых изделий, формировавших основу экспортной специализации. Ориентация на товары с низкой добавленной стоимостью позволила стране закрепиться в качестве поставщика для международных брендов. Усиление конкуренции обусловило необходимость перехода к диверсификации продуктовой структуры. По оценке McKinsey & Company [2], долгосрочная конкурентоспособность связана с расширением присутствия в

сегментах изделий с более высокой добавленной стоимостью на основе синтетических и искусственных волокон.

Диверсификация продукции рассматривается как инструмент повышения прибыльности. Здесь существенным трендом является развитие технических тканей. Наблюдается наращивание инвестиций в модернизацию оборудования. Возрастает значимость производства спортивной одежды, что стимулирует инновации.

Отдельного внимания заслуживает ориентация на продукцию из искусственных и синтетических волокон (ММФ). По данным Всемирного банка [6], рынок демонстрирует рост спроса на синтетические материалы. В Бангладеш активизируются проекты по развитию обратных производственных связей и приобретению оборудования для работы с синтетическими тканями. Реализация преобразований требует капитальных вложений.

В Российской Федерации развитие швейной промышленности происходит в иной логике. Акцент делается на импортозамещение и формирование национальных брендов. Согласно данным Минпромторга России², политика направлена на локализацию производства и его модернизацию. Инновационные проекты ориентированы на снижение зависимости от внешних поставщиков.

Таким образом, модернизация продуктовой структуры в Бангладеш происходит в соответствии с внешне ориентированной моделью, тогда как в России инновационные процессы связаны с промышленной политикой.

Государственные инициативы в сфере инновационного развития. Бангладеш переживает трансформацию, обусловленную распространением цифровых технологий. В последнее десятилетие страна формируется как

---

² Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Стратегия развития текстильной промышленности Российской Федерации. М., 2022. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Textile_industry_in_Russia (дата обращения: 26.02.2026).

центр цифровых инноваций за счет сочетания государственных инициатив и частных инвестиций.

Государственная политика Бангладеш играет роль в стимулировании инновационных бизнес-проектов в секторе готовой одежды. Значимым инструментом стало формирование экспортно-производственных зон (далее – EPZ), предоставляющих налоговые льготы экспортно ориентированным предприятиям. По данным Управления EPZ Бангладеш [7], зоны стали площадками для привлечения иностранных инвестиций. Упрощенные таможенные процедуры способствуют реализации проектов модернизации.

Формирование экосистемы цифрового предпринимательства является условием перехода Бангладеш к экономике, основанной на знаниях. Развитие компетенций способствует трансформации инновационных идей в бизнес-модели.

В условиях координации усилий Бангладеш формирует институциональную основу, обеспечивающую рост конкурентоспособности. Инициативы, подобные DEIED, способствуют закреплению цифрового предпринимательства как драйвера развития.

В Российской Федерации модернизация связана с государственной промышленной политикой. Минпромторг России формирует механизм поддержки технологического обновления посредством фондов развития и льготных кредитных программ. Реализуются стимулы для локализации производства.

Опыт обеих стран демонстрирует, что управление бизнес-инициативами требует государственной поддержки.

Примеры корпоративных инноваций. Инновационный менеджмент на корпоративном уровне в секторе готовой одежды Бангладеш определяется деятельностью крупных диверсифицированных групп, интегрирующих стратегии устойчивого развития и цифровизации. Показательным примером выступает корпорация DBL Group, инвестировавшая в создание предприятий, сертифицированных по стандарту LEED. Согласно данным Ассоциации

производителей и экспортеров одежды Бангладеш [4], наличие «зеленой» сертификации становится условием конкурентного позиционирования. DBL Group внедряет цифровые технологии и автоматизированные системы. Существенным элементом стратегии является развитие обратной интеграции.

Компания Veximco Textiles выстраивает стратегию на основе вертикальной интеграции. Концентрация процессов в рамках единой структуры обеспечивает координацию и сокращение производственных циклов. Расширение ассортимента отражает переход к продукции с более высокой добавленной стоимостью.

В российском контексте корпоративные инновационные стратегии соотносятся с механизмами государственного заказа. Компании ориентируются на производство технической одежды. Предприятия участвуют в системе государственных контрактов. Минпромторг России [8] подчеркивает значимость выпуска технологически сложной продукции.

Сопоставление моделей позволяет выявить различия в подходах к инновациям. В Бангладеш инновационная активность определяется требованиями глобальных заказчиков, тогда как в России корпоративные инновации встроены в государственную промышленную политику. В обоих случаях факторами управления выступают инвестиционное планирование и технологическая модернизация.

Государственно-частное партнерство и развитие инновационной экосистемы. Одним из условий устойчивости инновационных бизнес-проектов в секторе готовой одежды Бангладеш является формирование коллаборативной инновационной экосистемы. Траектории модернизации определяются взаимодействием в формате государственно-частного партнерства и участием международных организаций. Международная организация труда [1] подчеркивает, что реформы оказались результатом согласованных действий владельцев фабрик и международных брендов. Многосторонняя модель управления стала элементом инновационного развития отрасли.

Существенной составляющей этого процесса является модернизация человеческого капитала. Углубление цифровизации обуславливает потребность в квалифицированных специалистах. По оценке Всемирного банка [3], устойчивый рост производительности невозможен без развития человеческого капитала. Реализуются программы профессиональной подготовки. Инновационный менеджмент включает инвестиции в оборудование и обучение.

Важным элементом являются финансовые механизмы поддержки проектов. Экологическая трансформация осуществляется при содействии международных финансовых институтов. По данным Ассоциации производителей и экспортеров одежды Бангладеш [4], инструменты «зеленого» финансирования ускорили внедрение энергоэффективных технологий.

Инновационная экосистема текстильной промышленности России характеризуется институциональной координацией. Согласно данным Минпромторга России [8], развитие отрасли опирается на кластерные программы: распространение технологий осуществляется через инновационные центры и кластеры. Российская модель выстроена в соответствии с внутренними промышленными приоритетами.

Рис. 2. Динамика роста числа швейных предприятий в Бангладеш, сертифицированных по стандарту LEED

Таким образом, эффективность инновационного менеджмента в швейной промышленности – как в Бангладеш, так и в России – определяется степенью развитости взаимодействия между предприятиями и государственными институтами. Формирование устойчивых экосистем обеспечивает структурную трансформацию отрасли и укрепление ее конкурентоспособности.

Заключение

Показательным примером трансформации трудоемкого производственного сектора служит развитие отрасли готовой одежды Бангладеш. Сектор опирался на преимущества по издержкам и интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости, что позволило стране занять позицию второго по величине экспортера одежды в мире. Сохранение позиций требует перехода к модели, основанной на повышении производительности и технологической модернизации, поскольку в условиях усиления требований комплаенса ценовое преимущество перестает обеспечивать конкурентоспособность.

Эволюция рассматриваемой отрасли после 2013 г. демонстрирует, что инновационная динамика определяется требованиями глобальных заказчиков. Международные бренды предъявляют требования в сфере промышленной безопасности и экологической ответственности. Инновационный менеджмент функционирует в контексте международных стандартов устойчивости.

В Российской Федерации текстильная и швейная промышленность развивается иначе. Приоритеты включают импортозамещение и технологическую модернизацию. Инновационные программы реализуются в рамках государственной промышленной политики и опираются на государственные закупки. Модернизационные процессы ориентированы на укрепление промышленного суверенитета.

В обоих контекстах управление инновационными проектами включает цифровизацию, устойчивое развитие и диверсификацию продукции. В этой

связи McKinsey & Company [2] указывают на необходимость расширения присутствия в сегментах продукции из искусственных волокон и технического текстиля. Также требуется инвестирование в автоматизацию и «зеленые» технологии.

Таким образом, будущее швейной промышленности Бангладеш определяется способностью трансформироваться в технологически модернизированную отрасль с высокой добавленной стоимостью. Трансформация предполагает развитие человеческого капитала. Сравнение с российской моделью показывает, что управление инновациями является условием обеспечения долгосрочной устойчивости отрасли.

Список источников

1. International Labour Organization (ILO). Improving Working Conditions in the Ready-Made Garment Sector. – Geneva, 2017. URL: <https://www.ilo.org/projects-and-partnerships/projects/improving-working-conditions-ready-made-garment-sector-bangladesh-phase-ii> (дата обращения: 26.02.2026).
2. McKinsey & Company. Сектор готовой одежды Бангладеш: вызовы дальнейшего роста. – 2019. URL: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/dotcom/client_service/consumer%20Packaged%20goods/pdfs/bangladesh_ready_made_garment_landscape.ashx (дата обращения: 26.02.2026).
3. Всемирный банк. Бангладеш: трансформация швейного сектора в целях устойчивости и повышения конкурентоспособности. – Вашингтон, 2020. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/577721607957799648/txt/The-World-Bank-in-Bangladesh-2020.txt> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Ассоциация производителей и экспортеров одежды Бангладеш (BGMEA). Отчет об отраслевой статистике. – Дакка, 2023. URL: <https://download.bgmea.com.bd/BGMEA%20Sustainability%20Report%202023.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Stanford Online. Guide to Innovation Management. URL: <https://online.stanford.edu/guide-innovation-management> (дата обращения: 26.02.2026).

6. World Bank. Industrial Competitiveness and Global Value Chains in Emerging Economies. – Washington, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/global-value-chains> (дата обращения: 26.02.2026).
7. BGMEA. About Garments Industry. URL: <https://www.bgmea.com.bd/page/AboutGarmentsIndustry> (дата обращения: 26.02.2026).
8. IMARC Group. Russia Textile Market. URL: <https://www.imarcgroup.com/russia-textile-market> (дата обращения: 26.02.2026).

References

1. International Labour Organization (ILO). Improving Working Conditions in the Ready-Made Garment Sector. – Geneva, 2017. URL: <https://www.ilo.org/projects-and-partnerships/projects/improving-working-conditions-ready-made-garment-sector-bangladesh-phase-ii> (date of access: 26.02.2026).
2. McKinsey & Company. Сектор готовой одежды Бангладеш: вызовы дальнейшего роста. – 2019. URL: https://www.mckinsey.com/~/_media/mckinsey/dotcom/client_service/consumer%20packaged%20goods/pdfs/bangladesh_ready_made_garment_landscape.ashx (date of access: 26.02.2026).
3. World Bank. Bangladesh: Transforming the Garment Sector for Sustainability and Competitiveness. Washington, DC, 2020. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/577721607957799648/txt/The-World-Bank-in-Bangladesh-2020.txt> (date of access: 26.02.2026) (in Russ.).
4. Bangladesh Garment Manufacturers and Exporters Association (BGMEA). Industry Statistics Report. Dhaka, 2023. Available at: <https://download.bgmea.com.bd/BGMEA%20Sustainability%20Report%202023.pdf> (date of access: 26.02.2026) (in Russ.).
5. Stanford Online. Guide to Innovation Management. URL: <https://online.stanford.edu/guide-innovation-management> (date of access: 26.02.2026).
6. World Bank. Industrial Competitiveness and Global Value Chains in Emerging Economies. – Washington, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/global-value-chains> (date of access: 26.02.2026).
7. BGMEA. About Garments Industry. URL: <https://www.bgmea.com.bd/page/AboutGarmentsIndustry> (date of access: 26.02.2026).

8. IMARC Group. Russia Textile Market. URL:
<https://www.imarcgroup.com/russia-textile-market> (date of access: 26.02.2026).

Статья поступила 25.03.2026, принята к публикации 26.05.2026.

© Саха К.А., 2026

Научная статья

УДК 347.772

**Становление и развитие института гражданско-правовой
ответственности за нарушение исключительных прав
(на примере товарного знака)**

Максим Игоревич Бычков,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Россия, Москва

Магистр

maxim_1694@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-5164-2631>

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития взглядов на природу гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права (на примере товарного знака). Рассматриваются основные этапы становления данного института: дореволюционный период, советская правовая доктрина и современный этап после принятия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется изменению функций ответственности – от компенсационной к многофункциональной, сочетающей превентивные и штрафные элементы. В работе анализируется влияние международных актов на формирование современных подходов. Сделан вывод о том, что гражданско-правовая ответственность в сфере охраны товарных знаков трансформировалась в самостоятельный правовой механизм, ориентированный на эффективное восстановление нарушенных прав и предупреждение дальнейших нарушений.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, исключительные права, товарный знак, компенсация, меры защиты, эволюция подходов, судебная практика.

Для цитирования: Бычков М.И. Становление и развитие института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав (на примере товарного знака) // IP: теория и практика. – 2026. – № 2.

Original article

**Evolution of Approaches to Understanding Civil Liability for Infringement of
Exclusive Rights**

Maxim I. Bychkov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Master student

maxim_1694@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-5164-2631>

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of scholarly views on the nature of civil liability for infringement of the exclusive right to a trademark. The main stages in the development of this legal institution are examined, including the pre-revolutionary period, the Soviet legal doctrine, and the modern stage following the adoption of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. Particular attention is given to the transformation of the functions of liability — from compensatory to multifunctional, combining preventive and punitive elements. The paper analyzes the impact of international instruments on the formation of contemporary approaches. It is concluded that civil liability in the field of trademark protection has evolved into an independent legal mechanism aimed at effectively restoring infringed rights and preventing further violations.

Keywords: civil liability, intellectual property rights, trademark, compensation, remedies, evolution of approaches, judicial practice.

For citation: Bychkov M.I. Evolution of Approaches to Understanding Civil Liability for Infringement of Exclusive Rights // IP: theory and practice. 2026. No. 2.

Введение

Исследование природы гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав (на примере товарного знака), историческая эволюция которой прошла путь от фрагментарных мер до развернутой системы правовых средств, является ключевой задачей цивилистики, позволяющей выявить особенности современного этапа и направления совершенствования законодательства в условиях ежегодного роста числа нарушений.

В ходе исследования автор определяет эволюцию подходов к пониманию гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права, выявляет основные этапы ее становления и современные тенденции развития данного института.

Проблема исследования заключается в отсутствии в отечественной доктрине и судебной практике единообразия в понимании правовой природы гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, что порождает дискуссии о соотношении компенсации и убытков, функциональном назначении мер (компенсационная, превентивная или штрафная функция) и границах применения международных стандартов в российской правовой системе.

Методы

В работе использованы:

- историко-правовой метод – для анализа дореволюционных и советских подходов к ответственности;
- сравнительно-правовой метод – для сопоставления российского законодательства с международными стандартами;
- формально-юридический метод – для анализа норм части четвертой ГК РФ и судебной практики;
- системный подход – для выявления места гражданско-правовой ответственности в общей структуре защиты исключительных прав.

Основное исследование

Исторические предпосылки для становления ответственности за нарушение исключительных прав

В дореволюционный период единая теория ответственности за нарушение исключительных прав отсутствовала, хотя юристы уже отмечали вред от использования чужих обозначений. Официальное выделение товарного знака в России восходит к указу 1744 года «Об обязательном клеймении всех русских товаров особыми фабричными знаками» [1, с. 58]. Законодательство конца XIX – начала XX веков (Положение о пошлинах 1860-х годов, «Положение о товарных знаках» 1896 года) закрепляло лишь отдельные положения, при этом ответственность носила преимущественно

административный или уголовно-правовой характер, а гражданско-правовые средства сводились к компенсации имущественного ущерба [2, с. 143]. В юридической науке Г.Ф. Шершеневич рассматривал защиту знаков через иск о возмещении вреда, но не выделял эту сферу в самостоятельный институт [3], а К.П. Победоносцев, считая знаки разновидностью имущественного права, также не предлагал целостной концепции ответственности [4, с. 154]. Несмотря на ограниченность средств, в этот период зародилась мысль о нарушении не только имущественных, но и нематериальных прав (права на индивидуализацию), что предвосхитило развитие концепции исключительных прав в советской и постсоветской науке.

Советская правовая доктрина и особенности регулирования

Советский этап принципиально отличался приоритетом публичных интересов над частными: в условиях плановой экономики товарный знак утратил функцию средства конкуренции, став инструментом учета, контроля качества и государственного регулирования, а его охрана сводилась к обеспечению дисциплины между госпредприятиями [5, с. 25]. Законодательство (акт 1936 г., Положение 1962 г.) носило ограниченный характер и не предусматривало защиты интересов отдельных хозяйствующих субъектов. В доктрине (О.С. Иоффе, С.Н. Братусь) господствовала идея об исключительно компенсационной природе гражданско-правовой ответственности, исключающей штрафные санкции в силу идеологических установок о «воспитательном воздействии» [5, с. 25]. Несмотря на это, советский период стал переходным: товарный знак окончательно закрепился как объект правовой охраны, но проблема эффективного механизма ответственности за его нарушение решена не была.

Постсоветский этап: формирование современного подхода

Радикальные изменения в понимании и регулировании гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на товарный знак произошли в постсоветский период. Переход к рыночной экономике обусловил потребность в эффективной правовой защите средств

индивидуализации, без которой невозможно было формирование добросовестной конкуренции и устойчивых предпринимательских практик.

Уже в 1992 г. был принят Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», который впервые закрепил системное регулирование отношений в сфере охраны знаков в постсоветской России. Этот закон определил порядок регистрации, основания для признания недействительности свидетельства, а также меры ответственности за незаконное использование чужих обозначений. Однако регулирование оставалось неполным: ответственность все еще понималась преимущественно как возмещение убытков.

Качественный перелом произошел с принятием части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая была введена в действие Федеральным законом от 18.12.2006 № 231-ФЗ и вступила в силу с 1 января 2008 г. Часть четвертая ГК РФ закрепила развернутый набор мер: помимо возмещения убытков правообладатель получил право на компенсацию (в фиксированной сумме или двукратном размере), а также на изъятие и уничтожение контрафактной продукции. Эти новеллы были обусловлены необходимостью гармонизации с международными обязательствами России по Парижской конвенции и Соглашению ТРИПС, требующими эффективных средств защиты. Институт компенсации стал принципиальным новшеством: в отличие от убытков, он не требует доказывания их размера, что упростило защиту и обеспечило превентивный эффект. Как итог, постсоветский этап ознаменовался формированием многофункциональной модели ответственности, сочетающей возмещение ущерба, предупреждение нарушений и имущественное наказание нарушителя.

Современные тенденции и проблемные вопросы

Современный этап развития института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав характеризуется стремлением законодателя и судебной практики к поиску баланса между интересами правообладателей и добросовестных участников оборота. С одной

стороны, необходимо обеспечить надежную охрану данных прав как основных средств индивидуализации в условиях глобальной конкуренции. С другой – чрезмерное ужесточение ответственности способно привести к ограничению свободы предпринимательской деятельности и злоупотреблениям со стороны самих правообладателей.

Сегодня все больше людей стремятся зарегистрировать товарный знак. Такой интерес объясняется недавними изменениями в законодательстве. Федеральный закон «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 28.06.2022 № 193-ФЗ позволил закреплять исключительное право на товарный знак не только компаниям и индивидуальным предпринимателям, но и обычным физическим лицам. Однако важно понимать, что реальную пользу этот инструмент приносит прежде всего тем, кто ведет предпринимательскую деятельность легально. Именно в таком случае товарный знак превращается из формальной регистрации в действительно ценный актив, который помогает защищать бизнес и развивать его на рынке.

Основную роль в защите товарного знака играет часть четвертая ГК РФ, в частности статьи 1252 и 1515, закрепляющие возможность взыскания компенсации за нарушение исключительных прав. Правообладатель может выбрать способ защиты: возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ) либо взыскание компенсации в одном из предусмотренных законом вариантов – в фиксированном размере – от десяти тысяч до десяти миллионов рублей (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивших в силу 4 января 2026 г.), при этом конкретная сумма определяется судом исходя из характера нарушения [6, с. 98].

Особое значение для понимания правовой природы компенсации имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Суд разъяснил, что компенсация носит не только компенсационный, но и

превентивный характер, что позволяет предупредить дальнейшие нарушения, а также указал, что при определении размера компенсации необходимо учитывать масштаб нарушения, длительность его совершения, степень вины нарушителя и его действия по добровольному устранению последствий.

В последние годы судебная практика все чаще сталкивается с проблемой несоразмерности взыскиваемых компенсаций в судебных решениях. Например, суд первой инстанции в решении Арбитражного суда Свердловской области от 02.12.2024 по делу № А60-56622/2024 удовлетворил требования истца и взыскал компенсацию в размере 600 000 рублей, а апелляция (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2025 № 17АП-145/2025-ГКу по делу № А60-56622/2024) уменьшила его до 8286 рублей (в два раза больше стоимости контрафактного товара), что Суд по интеллектуальным правам счел незаконным, направив дело на новое рассмотрение (постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.02.2026 № С01-1770/2025 по делу № А60-56622/2024). Динамика рассмотрения дела наглядно демонстрирует отсутствие согласованности судебных органов по вопросу определения размера компенсации.

Ранее суды нередко удовлетворяли иски о взыскании значительных сумм, руководствуясь только фактом незаконного использования товарного знака, о чем свидетельствуют материалы судебной практики: апелляционное определение Саратовского областного суда от 13.05.2025 по делу № 33-3570/2025, определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2024 № 88-17070/2024, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2022 № 88-13473/2022. Однако по мере накопления опыта ВС РФ стал ориентировать нижестоящие инстанции на применение индивидуального подхода: чтобы при определении компенсации учитывался масштаб нарушения, его продолжительность, степень вины нарушителя, а также то, предпринимались ли нарушителем меры к добровольному прекращению нарушения.

Важно подчеркнуть, что реформа компенсационного механизма 2025–2026 гг. стала прямым следствием многолетней практики Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал на несоответствие отдельных положений ст. 1515 ГК РФ Конституции РФ. В Постановлении от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» подпункт 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ (компенсация в фиксированных пределах) был признан не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой он не позволял суду снижать размер компенсации ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств. Аналогичная позиция была выражена в Постановлении от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» в отношении подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ (компенсация в двукратном размере стоимости товаров или права использования). Именно необходимость законодательно закрепить механизм, позволяющий суду учитывать фактические обстоятельства дела и обеспечивать соразмерность санкции, предопределила содержание Федерального закона № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступил в силу 4 января 2026 г.), который ознаменовал принципиально новый этап развития института компенсации.

Указанным законом проведена масштабная реформа механизма ответственности за нарушение исключительных прав.

Во-первых, существенно увеличены верхние пределы компенсации: по товарным знакам максимальный размер фиксированной компенсации повышен с 5 до 10 миллионов рублей (п. 4 ст. 1515 ГК РФ в новой редакции).

Во-вторых, ГК РФ дополнен новой статьей 1252.1, которая закрепляет право суда самостоятельно определять способ расчета компенсации, если

выбранный истцом вариант окажется несоразмерным последствиям нарушения. Это позволяет суду отступать от заявленных требований для обеспечения справедливости, что ранее было невозможно без риска выйти за пределы исковых требований.

В-третьих, уточнены правила солидарной ответственности при нарушении исключительных прав несколькими лицами, что устранило неоднозначность судебной практики по вопросу взыскания компенсации с каждого из нарушителей или с них в совокупности.

Таким образом, новеллы 2025–2026 гг. не просто «уточнили условия», а сформировали качественно иную модель компенсации, сочетающую повышенную превентивность (за счет роста верхнего порога) и гибкость правоприменения (за счет дискреционных полномочий суда).

В отношении товарных знаков новеллы можно оценить положительно: они сохранили превентивный эффект (угроза взыскания значительных сумм остается), но при этом повысили предсказуемость и справедливость компенсаций, что снижает возможность злоупотреблений и способствует стабильности экономического оборота.

В то же время остается актуальной проблема злоупотребления правом со стороны владельцев товарных знаков. В юридической литературе и практике известен феномен так называемых «патентных троллей», которые регистрируют обозначения исключительно с целью последующего предъявления многочисленных исков о взыскании компенсации. [7, с. 709].

Ранее высказывалось мнение, что российское законодательство не располагает действенными средствами противодействия таким злоупотреблениям. Так, исследователи, в частности Р.Ф. Гафуров, обращали внимание на практику регистрации товарных знаков без намерения их реального использования, рассматривая подобные действия как злоупотребление правом и нарушение функций товарного знака [8, с. 48]. Однако более корректным представляется иной подход.

Во-первых, нормы о противодействии злоупотреблениям правом уже содержатся в ст. 10 ГК РФ, которая запрещает использование гражданских прав в ущерб другим лицам.

Во-вторых, практика ВС РФ формирует подходы к применению указанной нормы, разъясняет порядок ее использования и обеспечивает единообразие толкования. Так, в Обзоре судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом ВС РФ 15 ноября 2023 г.) прямо разъяснено, что при рассмотрении требований о взыскании компенсации судам надлежит проверять добросовестность поведения правообладателя. В частности, регистрация товарного знака без намерения его реального использования в хозяйственной деятельности, исключительно с целью предъявления исков, может быть признана злоупотреблением правом. В таких случаях суд вправе отказать во взыскании компенсации, даже при формальном нарушении исключительного права.

Исходя из всего вышесказанного, говорить о полном отсутствии средств противодействия некорректно. Российское право уже содержит базовые механизмы защиты от «патентного троллинга», хотя их эффективность зависит от последовательности применения судами и, возможно, дальнейшего уточнения в законодательстве.

Современные тенденции связаны и с цифровизацией оборота. Нарушения исключительных прав все чаще совершаются в сети Интернет, что вызывает новые проблемы доказывания и квалификации. Использование товарного знака в доменных именах, на маркетплейсах или в контекстной рекламе нередко приводит к судебным спорам, где классические механизмы возмещения убытков оказываются неэффективными. Несмотря на то, что нарушение исключительных прав на товарные знаки возможно и в цифровой среде, современные правовые нормы не всегда позволяют эффективно защищать права правообладателей в онлайн-обороте.

Классические способы взыскания убытков и компенсации сталкиваются с трудностями доказательства нарушения в сети, идентификации нарушителя и оценки ущерба от цифрового использования знака. Судебная практика подтверждает это. Случаи размещения контрафактных товаров на маркетплейсах или использования товарных знаков в доменных именах демонстрируют, что традиционные механизмы компенсации не всегда оперативны и требуют адаптации к особенностям цифровой среды. Представляется, что для эффективной защиты прав в онлайн-пространстве необходимо дальнейшее развитие правовых позиций судов. В частности, в целях предотвращения необоснованной мультипликации ответственности целесообразно на уровне судебного толкования закрепить критерий «единства экономической цели» при использовании товарного знака на различных элементах одного сайта (в домене, мета-тегах, рекламных объявлениях), квалифицируя такие действия как единое нарушение. Кроме того, для преодоления проблемы анонимности нарушителей в сети Интернет видится обоснованным законодательно закрепить презумпцию вины владельца сайта (информационного посредника) в случае нераскрытия им информации о фактическом нарушителе, что будет стимулировать добросовестных участников оборота к сотрудничеству и соответствовать принципам справедливости. Современное развитие института гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав представляет собой поиск оптимальной модели, сочетающей гарантированное восстановление прав, превентивное воздействие и недопущение злоупотреблений со стороны правообладателей. Перспективы дальнейшего развития связаны с уточнением правовой природы компенсации и ее соотношения с убытками, гармонизацией с международными стандартами при сохранении национальной специфики, разработкой специальных механизмов защиты в цифровой среде и предотвращением недобросовестного поведения. Институт компенсации сохраняет свое значение, но нуждается в адаптации процедур к реалиям

Интернета, что в совокупности свидетельствует о его динамичном развитии в сторону более гибкой и сбалансированной модели.

Проблемы дифференциации и правоприменения при взыскании компенсации

Дискуссия о правовой природе компенсации, развернувшаяся на страницах работ Л.А. Новоселовой [9, с. 220–231] и М.Д. Черпака [10, с. 47–60], подчеркивают ключевую проблему современной цивилистики: разграничение мер защиты и мер ответственности. Л.А. Новоселова, анализируя правовые позиции Конституционного Суда РФ, приходит к выводу, что законодатель, вводя компенсацию, отошел от чисто компенсаторной модели, наделив этот институт штрафной функцией для общей превенции правонарушений. В свою очередь, М.Д. Черпак, исследуя те же постановления, указывает на опасность такого смешения, поскольку карательный элемент, несвойственный частному праву, ведет к неосновательному обогащению правообладателей и нарушению баланса интересов. Представляется, что критерием разграничения здесь должно выступать не наличие или отсутствие штрафного элемента, а функциональное назначение применяемой нормы. Меры защиты (например, требование о пресечении действий, нарушающих право) направлены на прекращение длящегося нарушения и не требуют установления вины нарушителя. Меры же ответственности (взыскание компенсации или убытков) всегда являются следствием совершенного правонарушения, их применение подчинено принципу вины, а размер должен определяться с учетом соразмерности содеянному, как это последовательно отстаивает в своих работах Н.В. Иванов [11, с. 127–129]. Следовательно, компенсация, даже в ее расчетном варианте, должна оставаться инструментом компенсации имущественных потерь, а не превращаться в инструмент наказания, для чего существуют публично-правовые институты.

Не менее сложным представляется вопрос адаптации компенсационного механизма к реалиям цифровой среды. В.А. Прохоров [12, с. 7] справедливо

отмечает, что нарушение исключительных прав на товарный знак в Интернете (например, использование обозначения в доменном имени или в составе контента на маркетплейсе) зачастую носит комплексный характер и не вписывается в классические критерии множественности нарушений. В связи с этим для цифровой среды требуется уточнение критериев единства намерения и экономической цели, предложенных в Постановлении Пленума ВС РФ № 10. Представляется обоснованным на уровне судебного толкования закрепить, что использование товарного знака на различных элементах одного сайта (в коде страницы, в доменном имени, в рекламных объявлениях), направленное на привлечение внимания к одному товару, должно признаваться единым нарушением. Это позволит избежать необоснованной мультипликации ответственности, о проблемах которой пишет в своей монографии Иванов, и снизит риски злоупотреблений со стороны «патентных троллей». Кроме того, для повышения эффективности защиты в условиях анонимности сети Интернет целесообразно законодательно закрепить презумпцию вины владельца сайта, на котором было допущено нарушение, если он не раскроет информацию о фактическом нарушителе, что коррелирует с общими принципами добросовестности в гражданском обороте.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлена трансформация гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на товарный знак от фрагментарных компенсационных мер дореволюционного и советского периодов к современному многофункциональному институту, сочетающему компенсационную, превентивную и штрафную функции. Научный результат работы заключается в обосновании вывода о том, что под влиянием международных стандартов и правовых позиций Конституционного Суда РФ сформировалась качественно новая модель ответственности, ядром которой выступает институт компенсации, претерпевший в 2025–2026 гг. системную реформу в направлении усиления гибкости правоприменения при

сохранении превентивного потенциала. Установлено, что современное развитие института характеризуется поиском баланса между эффективной защитой правообладателей и недопущением злоупотреблений, что требует дальнейшей доктринальной разработки критериев разграничения мер защиты и мер ответственности, а также адаптации компенсационного механизма к реалиям цифровой среды.

Список источников

1. Галямова А.Р. Исторический анализ становления и развития права на товарный знак / А.Р. Галямова, Т.В. Пищулина // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2022. – Т. 1, № 1 (36). – С. 58–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-analiz-stanovleniya-i-razvitiya-prava-na-tovarnyy-znak> (дата обращения: 28.08.2025).
2. Глазунов С.Р. Фабричное законодательство и механизмы его реализации. 1882–1914 гг. / С.Р. Глазунов // Экономическая история. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 141–154. – DOI: 10.15507/2409-630X.041.014.201802.141.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Том 2. Особенная часть / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Юрайт, 2025. – 450 с. URL: <https://www.urait.ru/bcode/565001> (дата обращения: 28.08.2025).
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 ч. / К.П. Победоносцев. – Санкт-Петербург, 1868–1880. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002597315 (дата обращения: 28.08.2025).
5. Бредихин А.Л. Юридическая ответственность и законность в учении С.Н. Братуся / А.Л. Бредихин, С.Е. Байкеева, Е.Д. Проценко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (230). – С. 24–26. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_24.
6. Рабец А.П. Компенсация за нарушение исключительного права на товарный знак: сравнительный анализ законодательства России и КНР / А.П. Рабец // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 2. – С. 98–103. – DOI: 10.24866/1813-3274/2021-2/98-103.
7. Прохоров В.А. Злоупотребление правом при обращении в суд с исковым заявлением о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак / В.А. Прохоров // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – Т. 34, № 4. – С. 709–715. – DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-4-709-715.

8. Гафуров Р.Ф. Злоупотребление правом как нарушение функций товарного знака / Р.Ф. Гафуров // *Хозяйство и право*. – 2025. – № 3. – С. 42–49. URL: <https://lawinfo.ru/articles/9808/zloupotreblenie-pravom-kak-narusenie-funkcii-tovarnogo-znaka> (дата обращения: 28.08.2025).
9. Новоселова Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития / Л.А. Новоселова // *Вестник ФИПС*. – 2024. – Т. 3, № 3 (9). – С. 220–231.
10. Черпак М.Д. Развитие института компенсации за нарушение исключительных прав в позициях Конституционного Суда Российской Федерации / М.Д. Черпак // *Актуальные проблемы российского права*. – 2025. – Т. 20, № 11. – С. 47–60. – DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.047-060.
11. Иванов Н.В. Ответственность за нарушение исключительных прав: монография / Н.В. Иванов. – Москва: Проспект, 2025. – 360 с.
12. Прохоров В.А. Гражданско-правовой механизм взыскания компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 / Прохоров Владислав Андреевич. – Ижевск, 2025. – 27 с.

References

1. Galyamova A.R., Pishchulina T.V. Historical analysis of the formation and development of the right to a trademark. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti = Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region*. 2022. Vol. 1, No. 1 (36). P. 58–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskij-analiz-stanovleniya-i-razvitiya-prava-na-tovarnyy-znak> (date of access: 28.08.2025) (in Russ.).
2. Glazunov S.R. Factory legislation and mechanisms of its implementation. 1882-1914. *Ekonomicheskaya istoriya = Economic history*. 2018. Vol. 14, No. 2. P. 141–154. DOI: 10.15507/2409-630X.041.014.201802.141 (in Russ.).
3. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law: in 2 vols. Vol. 2. Special Part. Moscow: Yurait Publ. 2025. 450 p. URL: <https://www.urait.ru/bcode/565001> (date of access: 28.08.2025) (in Russ.).
4. Pobedonostsev K.P. Course of Civil Law: in 3 parts. St. Petersburg, 1868–1880. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002597315 (date of access: 28.08.2025) (in Russ.).
5. Bredikhin A.L., Baykeeva S.E., Protsenko E.D. Legal responsibility and legality in the doctrine of S.N. Bratus. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2024. No. 2 (230). P. 24–26. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_24 (in Russ.).

6. Rabets A.P. Compensation for infringement of the exclusive right to a trademark: a comparative analysis of the legislation of Russia and China. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. 2021. No. 2. P. 98–103. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-2/98-103 (in Russ.).

7. Prokhorov V.A. Abuse of law when filing a claim for compensation for infringement of the exclusive right to a trademark. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law"*. 2024. Vol. 34, No. 4. P. 709–715. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-4-709-715 (in Russ.).

8. Gafurov R.F. Abuse of law as a violation of the functions of a trademark / R.F. Gafurov. *Khozyaystvo i pravo = Economy and Law*. 2025. No. 3. P. 42–49. URL: <https://lawinfo.ru/articles/9808/zloupotreblenie-pravom-kak-narusenie-funkcii-tovarnogo-znaka> (date of access: 28.08.2025) (in Russ.).

9. Novoselova L.A. Compensation for infringement of exclusive rights: main development trends. *Vestnik FIPS = Bulletin of the Federal Institute for Industrial Property*. 2024. Vol. 3, No. 3 (9). P. 220–231 (in Russ.).

10. Cherpak M.D. Development of the institution of compensation for infringement of exclusive rights in the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2025. Vol. 20. No. 11. P. 47–60. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.047-060 (in Russ.).

11. Ivanov N.V. Liability for Infringement of Exclusive Rights: monograph / N.V. Ivanov. Moscow: Prospekt Publ. 2025. 360 p. (in Russ.).

12. Prokhorov V.A. Civil law mechanism for collecting compensation for infringement of the exclusive right to a trademark: abstract of diss. PhD in Law: 5.1.3 / Prokhorov Vladislav Andreevich. Izhevsk, 2025. 27 p. (in Russ.).

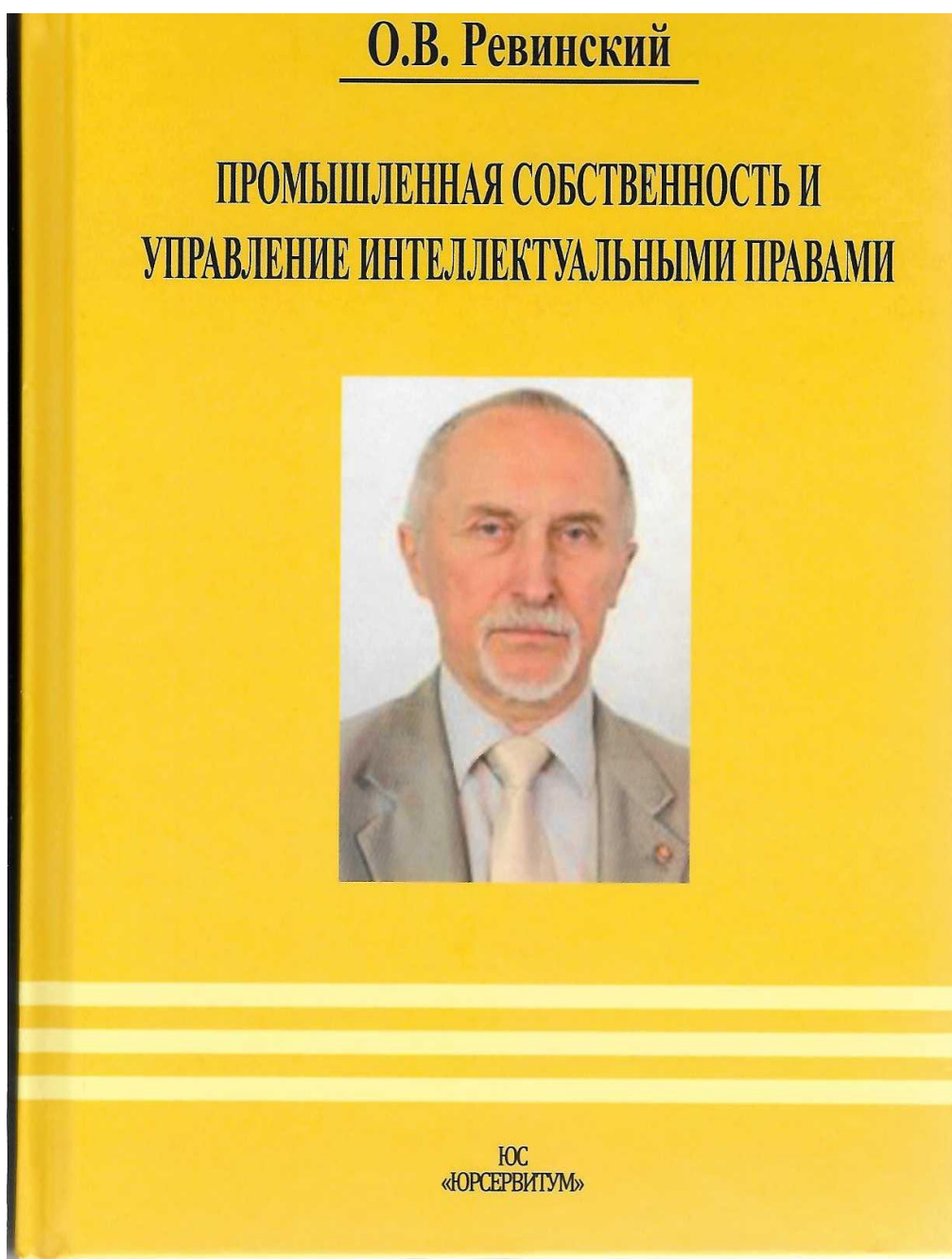
Статья поступила 30.03.2026, принята к публикации 20.05.2026.

© Бычков М.И., 2026

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ.

Пособие Ревинского Олега Витальевича «*Промышленная собственность и управление интеллектуальными правами*» М.: Изд-во «Юрсервитум», 2026 г., 486 с. предназначено для студентов Российской государственной академии интеллектуальной собственности всех форм обучения, но может быть также использовано учащимися других вузов. В книге рассматриваются вопросы, связанные с интеллектуальными правами – главным образом, с патентными правами. Автор долгое время работал патентным экспертом, и его богатый практический опыт отражён в этом издании, основанном на его предыдущих учебниках.

**Рецензия на книгу О.В. Ревинского
«Промышленная собственность и управление интеллектуальными
правами»**

Данная книга, хотя и названа автором пособием, фактически является учебником по тому предмету, который читает Олег Витальевич Ревинский, кандидат юридических наук, доцент, работающий в должности профессора кафедры патентного права и правовой охраны средств индивидуализации Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС).

Книга основана на выходявшем уже тремя изданиями курсе лекций автора по праву промышленной собственности и на его же курсе лекций по управлению интеллектуальной собственностью. В новой книге собран воедино громадный опыт О.В. Ревинского, почти четверть века, проработавшего (ещё с советских времён) патентным экспертом в Федеральном институте промышленной собственности (ФИПС) Роспатента, а затем вот уже два десятилетия преподающего патентное право и другие курсы в РГАИС. К этому стоит добавить шестилетнюю работу по совместительству в качестве руководителя патентного отдела в Физическом институте Академии наук (ФИАН) им. П.Н. Лебедева, а также оформление заявок на изобретения для многочисленных клиентов, поскольку Олег Витальевич уже почти тридцать лет является дипломированным патентоведом.

Весь накопленный за эти годы опыт автор, можно сказать, «выплеснул» в данное пособие. Благодаря большому количеству реальных примеров раскрываемый материал понимается гораздо лучше. Тому же помогают три десятка приложений, схематически иллюстрирующих многие аспекты излагаемых нормативных положений. Стоит добавить, что автор учёл в своей книге последние изменения в четвёртой части ГК РФ.

При этом язык, которым написана данная книга, максимально приближен к тому языку, которым О.В. Ревинский читает свои лекции или даёт пояснения слушателям. Это живой, богатый русский язык, изобилующий и конкретными примерами из практики, и ссылками на известные произведения литературы и искусства. Но при этом язык книги никак нельзя считать примитивным, упрощающим сложные правовые нормы – как раз наоборот, этот язык делает сложный юридический материал понятным даже для неподготовленного читателя, в то же время сохраняя тематическую научность. Впору процитировать здесь слова советского поэта Семёна Кирсанова: «Я ищу прозрачности, а не призрачности», что полностью применимо к языку, которым написана данная книга.

Новое пособие О.В. Ревинского не зря упоминает в названии, с одной стороны, промышленную собственность, а с другой стороны управление интеллектуальными правами. В книге удачно соединены как правовые вопросы, относящиеся к объектам интеллектуальных прав (в первую очередь, к патентуемым объектам), так и отдельные аспекты рыночного использования этих объектов. Раскрыты в книге и основные понятия, связанные с интеллектуальной собственностью, дана история развития этого института, включая и советский период, когда автор начал работать во ВНИИГПЭ (как раньше назывался ФИПС). Естественно, рассмотрены и возможности охраны компьютерного программного обеспечения (в том числе патентная охрана), что является непосредственной сферой научных интересов О.В. Ревинского, радиоинженера по первому образованию. Отметим, кстати, что многие его наработки в этой области использованы в дополнениях к Требованиям к документам заявки на изобретение, введённых с марта 2024 года и легализовавших изобретения в области информационных технологий.

Новое пособие окажется полезным и для обучающихся в РГАИС, и для всех лиц, заинтересованных в получении знаний в праве промышленной собственности.

Поэтому рекомендую книгу О.В. Ревинского «Промышленная собственности и управление интеллектуальными правами» к изданию.

Рецензент:

Близнец Иван Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор,
действительный государственный советник 3-го класса,
почётный профессор Софийского университета (Болгария)
